

СОВРЕМЕННАЯ

ГУМАНИТАРНАЯ

АКАДЕМИЯ

ТРУДЫ СГА

№ 5 май 2014

Москва

Труды СГА. Выпуск 5 (май). Юриспруденция. Образование. Экономика. Менеджмент. Философия. Политология. История. М.: Издательство СГУ, 2014.

Редакционная коллегия:

Карпенко М.П. — доктор технических наук (председатель)

Волкова Н.А. — кандидат юридических наук

**Дмитриев А.В. — доктор философских наук,
член-корреспондент РАН**

Захарова Л.Д. — кандидат филологических наук

Изюмова С.А. — доктор психологических наук

Миронов О.О. — доктор юридических наук

Павлова С.А. — доктор экономических наук

Письменский Г.И. — доктор исторических наук

Сельская Н.С. — кандидат технических наук

Стребков В.А. — доктор философских наук

Фокина В.Н. — кандидат социологических наук

Шингаров Г.Х. — доктор философских наук

Научный редактор

Иванова Е.О. — кандидат педагогических наук

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Жариков Ю.С.

Целесообразность, законность и справедливость уголовно-правового регулирования. 5

Мамбетов А.В.

Усыновление (удочерение) – результат заботы государства и граждан Российской Федерации о детях 26

Чувашова Н.С.

Реализация конституционного права на жилье детьми-сиротами в Челябинской области. 37

ОБРАЗОВАНИЕ

Волкова А.С.

Волонтерство как средство формирования ценностных ориентаций старшеклассников 47

ЭКОНОМИКА

Заточина О.Р.

Банковские услуги предприятиям 53

МЕНЕДЖМЕНТ

Кухтенко К.В., Терёшина В.В.

Исследование отдельных аспектов развития производственных систем 60

ФИЛОСОФИЯ

Матьяш О.И.

Социальный конструкционизм в современных социальных науках 69

ПОЛИТОЛОГИЯ

Козодубов А.А.

Военная деятельность в районе Новой Земли.....90

ИСТОРИЯ

Лалетин Е.В.

Военные столкновения на Дальнем Востоке между Россией и Китаем в начале XX века99

Наши авторы117

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ю.С. Жариков

Целесообразность, законность и справедливость уголовно-правового регулирования

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы целесообразности уголовно-правового регулирования общественных отношений и ее взаимодействие с принципами законности и справедливости уголовной ответственности. В этой связи делается вывод о необходимости конкретизации оснований применения уголовно-правовых средств воздействия в условиях разбалансированности регулятивного законодательства и его несоответствия реальным общественным отношениям. Предложения автора позволят разработать систему норм уголовного закона, ограничивающих возможности избирательного применения уголовного закона и устанавливающих ясные критерии правоприменительного усмотрения.

Ключевые слова. Принцип, законодательство, норма, законность, справедливость регулирование, ответственность, наказание, правоприменение, усмотрение, уголовное право, целесообразность.

Роль и значение целесообразности в отечественном уголовном праве практически не исследована. В научных работах, посвященных данной категории, она рассматривается во взаимосвязи «цель-целесообразность», то есть не как самостоятельная величина, а производная, результат достижения

цели уголовно-правового регулирования. На этой основе делается простой вывод – если правоприменительная практика в общем соответствует техническому требованию обоснованности уголовной ответственности, установленному ст. 8 УК РФ, а наказание – параметрам, определенным в гл. 10 УК РФ, то и решение следует признать целесообразным. Иными словами, целесообразность выступает в качестве правовой оценки результата реализации уголовной ответственности – точное применение уголовного закона всегда целесообразно и, наоборот, отступления от его предписаний (нарушение законности, то есть ст. 3 УК РФ) – нецелесообразны. И тут уже не важно, соответствуют они принципу справедливости (ст. 6 УК) или нет.

Однако при реализации правовых норм соблюсти такое соответствие возможно не всегда. В этом случае на авансцену выступает правоприменительное усмотрение как средство координации целесообразности и законности. Н.Н. Апостолова по этому поводу пишет: «... без усмотрения (целесообразности) обеспечить во всех случаях справедливое, отвечающее интересам и потребностям общественного развития применение закона практически невозможно» [1]. Следовательно, необходимо установить правовые ограничения целесообразности уголовно-правового регулирования предписаниями принципа законности, то есть определить пределы указанного усмотрения, или иначе, границы, в пределах которых «субъект правоприменения на основе комплексного анализа обстоятельств юридического дела уполномочен вынести оптимальное решение с точки зрения принципов законности, справедливости и целесообразности» [2, с. 7].

К такому уголовно-правовому «инструментария» следует отнести:

- относительно определенные или альтернативные санкции норм Особенной части УК РФ;
- оценочные понятия диспозиций норм Особенной части УК РФ;

- общие и частные правила назначения наказания;
- правила разрешения конкуренции охранительных норм УК РФ при квалификации преступлений;
- правила разрешения межотраслевых коллизий норм уголовного закона с охранительными нормами иной отраслевой принадлежности;
- диспозитивность как форму уголовно-правового регулирования.

Однако в современной уголовно-правовой доктрине, несмотря на многовариантность оснований судебно-следственного усмотрения, неизменным остается постулат – целесообразность, лежащая вне правовой сферы, аргумент должна признаваться незаконной.

Нам же кажется, что в современных динамичных общественных отношениях проблема целесообразности должна разрешаться по-иному. Но это требует определить пределы допустимой свободы компетенции законодателя и правоприменителя. Насколько они могут отклоняться от определенных Законом параметров в принятии решения.

К примеру, Россия, подписав Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, до настоящего времени уклоняется от ратификации Протокола № 6, который был внесен на рассмотрение в Государственную Думу РФ еще письмом Президента РФ от 6 августа 1999 г. № Пр-1025.

Основная интрига этой ситуации связана с обязательством России безоговорочно исключить из уголовного закона смертную казнь как вид наказания. Но, по-видимому, высшие органы власти полагают, что это в настоящее время делать нецелесообразно и мотивируют отказ общественным мнением. Его результаты более чем убедительны – в 2012 году по данным Фонда «Общественное мнение» 62% респондентов сказали «Да» смертной казни насильникам, педофилам и убийцам.

Скорее всего, именно по этой причине Россия на всем протяжении действия обязательства перед Советом Европы

ограничивается компромиссным вариантом – решением Конституционного Суда РФ (постановление от 2 февраля 1999 года № 3-П и определение от 19.11.2009 № 1344-О-Р) о введении моратория на применение ст. 59 УК РФ.

И таких решений немало. То есть при взаимодействии целесообразности и законности в правотворчестве предпочтение отдается целесообразности. Конечно, без нее в этом процессе, а в большей степени и при реализации права обойтись сложно. Так же сложно, как и разработать универсальный закон, полностью отвечающий всему комплексу потребностей современного мобильного общества. Наиболее остро это проявляется в уголовном праве – максимальная степень обобщения норм его Особенной части изначально ориентирована на их применение с учетом целесообразности, но без использования уголовного закона по аналогии.

Таким образом, мы сталкиваемся с двумя аспектами проявления целесообразности уголовно-правового регулирования: 1) целесообразность законотворчества; 2) целесообразность применения уголовного закона.

В первом случае законодатель должен руководствоваться ст. 15 Конституции РФ, в которой изложены общие положения принципа законности. Именно они определяют юридическую основу любой правовой нормы и ее содержание. Но это в идеале. А если возникает политическая необходимость отойти от конституционной нормы? Общих критериев отступления от обязательств в угоду изменившимся общественным отношениям не существует. Полагаем, что их следует разрабатывать на основе уже действующих Федеральных конституционных законов: от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2010) «О военном положении» и от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 07.03.2005) «О чрезвычайном положении», в которых установлены частные основания отступления от законности в пользу целесообразности. По сути, надо сформировать правовой институт крайней необходимости для сферы уголовно-правового регулирования.

Есть и еще одно основание применения целесообразности – невозможность удовлетворения посредством действующих законов социальных потребностей. Это происходит в настоящее время с уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством. Поводом для такого заявления служит правотворческая деятельность – законодатель, пытаясь ликвидировать отставание уголовного закона от социальных процессов, чуть ли не каждую неделю вносит в УК РФ изменения и дополнения и тем самым загоняет его в полный тупик. В этой связи в научной литературе раздаются призывы приступить к созданию новых УК РФ, УПК РФ и УИК РФ [3]. Но есть ли возможность в современных нестабильных условиях создать стабильное законодательство – конечно, нет. Единственный выход – возвести целесообразность в ранг основополагающей идеи законотворчества.

Чего нельзя сказать о правоприменительной практике. Изначально в Общей части УК определены критерии целесообразности или судебно-следственного усмотрения. Они определяют разумный подход к реализации его охранительного потенциала. К ним можно отнести принципы уголовной ответственности и пределы действия уголовного закона. Однако многие из таких положений, непосредственно связанные с принятием решений исходя из целесообразности, к примеру, основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, не имеют четко выраженных условий их применения либо включены в другие отрасли права (как правило, в УПК РФ).

В настоящее время этот недостаток нивелируется посредством судебного толкования норм права с точки зрения их соответствия Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Принципиальная позиция Верховного Суда РФ по этому поводу изложена в постановлениях его Пленума от 31.10.1995 № 8 (ред. от 16.04.2013) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [4] и от 27.06.2013

№ 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» [5].

Данные судебные решения действуют с учетом позиции Конституционного Суда РФ «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции РФ» (постановление от 16.06.1998 № 19-П) [6].

Однако, несмотря на важность обозначенной проблемы, в научной литературе по уголовному праву она не нашла своего достойного отражения [7]. Главный вектор предшествующих исследований был направлен на поиск целесообразности в сфере реализации охранительно-репрессивной функции уголовного права, при этом за рамками научных исканий остались аналогичные вопросы регулятивной функциональной направленности.

За подтверждением нашей точки зрения обратимся к современным научным работам. К примеру, В.К. Дуюнов предлагает рассматривать целесообразность в качестве принципа уголовно-правового воздействия, отождествляя его с принципом назначения наказания. В таком качестве, по его мнению, целесообразность – это требование о соразмерности воплощения мер уголовно-правового воздействия на практике [8]. Такая соразмерность видится автору в достижении целей назначения наказания использованием минимально допустимых уголовно-правовых средств.

Полагаем, что в данном случае происходит отождествление целесообразности с целеполаганием. Последнее понимается как установление параметров допустимых расхождений между реалиями уголовного закона и конкретных общественных отношений.

Его поддерживает Д.И. Анисимов, хотя и предлагая рассматривать целесообразность уже в качестве условия эффективности уголовно-правового воздействия. В этой связи он пишет: «целесообразность... представляет собой идею по оптимизации применения имеющихся уголовно-правовых

средств...» [9]. По сути, автор сужает рамки реализации идеи целесообразности до правоприменения. Оставляя за ее границами целесообразность криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации) общественно опасных деяний. Такая идея предполагает – при избрании способа и средств реагирования на общественно опасное деяние государство должно исходить из наличия имеющегося арсенала уголовно-правовых средств воздействия и не развивать его сообразно изменениям криминогенной ситуации в обществе.

Подобные восприятия исследуемого нами понятия имеют нормативный характер и впервые в уголовном законодательстве были сформулированы еще в УК РСФСР 1926 года. В частности, ст. 44 уголовного закона определяла: «обязанность загладить вред возлагается на осужденного в случаях, если суд признает целесообразным, чтобы сам, именно, осужденный устранил последствия совершенного им правонарушения или причиненного потерпевшему ущерба». А в ч. 2 этой статьи устанавливались и правовые пределы подобной целесообразности – «эта мера социальной защиты не может, однако, превышать по своей тяжести меры социальной защиты, определенной приговором в качестве основной».

В дальнейшем законодательные положения послужили основой для теории уголовного права – ученые стали рассматривать целесообразность в аспекте реализации уголовной ответственности и наказания, связав ее с проблемами судебно-следственного усмотрения [10, с. 376–381].

И это до настоящего времени находит непосредственное отражение в уголовном законе. Так, в 2011 году УК РФ был дополнен ст. 151.1, в которой законодатель ставит возможность привлечения лица к уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции в зависимости от ранее наложенного на него административного взыскания за аналогичное деяние, но при этом в примечании к данной статье точно не указал количество таких взысканий,

сославшись на положение о неоднократности. Однако последняя содержит неопределенное требование о совершении тождественных деяний в количестве двух и более. Следовательно, решение вопроса об уголовной ответственности за повторное деяние в данном случае будет зависеть от правоприменителя.

Сведение концепции целесообразности до уровня правоприменения способствует появлению совершенно экзотических суждений. Так, А. Байтурсынова полагает: «Декриминализация преступлений может осуществляться в определенной мере на уровне правоприменения по критерию нейтрализации криминальной ситуации в той или иной конкретной сфере общественных отношений путем минимизации наступивших уголовно-правовых последствий виновной стороной и заинтересованности в ней потерпевшей стороны» [11].

По нашему мнению, реализация данного предложения потребует реставрации отменного в 2003 году основания освобождения от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки (в настоящее время ст. 80.1 УК РФ предусматривает лишь освобождение от наказания). Но полагаем – одной из причин исключения из уголовного закона ст. 77 как раз и явились не совсем законные последствия прекращения уголовного преследования по данному основанию – фактическая декриминализация индивидуального преступного поведения. Поэтому более правильно в обозначенном аспекте говорить о целесообразности применения уголовного закона. Но вот другой ракурс проблемы, затронутой А. Байтурсыновой, вызывает интерес – это проблема развития диспозитивных начал в уголовном праве, к которым относится институт примирения сторон. Этот институт частного права именно в публичном законодательстве как раз и воплощает в практической деятельности принцип целесообразности. Возможность потерпевшего повлиять на реализацию уголовной ответственности в результате удовлетворения его интересов обвиняемым сводит воедино принцип целесообразности уголовно-правового

регулирующие и принципы законности и справедливости уголовной ответственности. В данном случае они не конфликтуют между собой, а дополняют друг друга. При этом целесообразность в своем стремлении достичь позитивного результата, хотя и выходящего за пределы официального нормативного суждения об общественно полезном¹, правовыми средствами выступает связующим звеном между законностью и справедливостью

Но в стремлении познать правовую суть целесообразности философский подход к ее пониманию мало продуктивен, как мы убедились выше, отсутствием четких критериев социальной полезности и вредности (общественной опасности). При этом сложность задачи определения целесообразности в сфере уголовно-правового регулирования связана с наличием нескольких неизвестных, без которых невозможно сформулировать само понятие, уяснить содержание целесообразности, а также обозначить ее критерии.

Итак, если исходить из буквального понимания целесообразности, то здесь во главе угла стоят цели закона или регламентированные им цели деятельности. Именно они и обуславливают ее понятие и содержание.

Во-первых, это сами цели уголовного законодательства [13] и вытекающие из них цели уголовно-правового регулирования. Они, в свою очередь, непосредственно связаны с

¹ Все же диспозитивность в публичном праве скорее исключение, нон-сенс, нежели правило, каковым является ее антипод – императивность. Ее можно рассматривать как компромисс, целесообразность в ситуации, когда исчерпаны пределы реализации реальной уголовной ответственности, декриминализировать деяние нет оснований по причине его общественной опасности. В данном случае центр тяжести уголовной ответственности переносится с деяния на личность виновного. Деяние же теряет центральное положение в составе преступления и уступает место признаку опасности лица, подлежащего уголовной ответственности. Следовательно, признание виновного не социально опасным исключает основание уголовной ответственности. Правда, современная наука уголовного права пока твердо стоит на позиции опасности деяния.

теми функциями, которыми наделено уголовное право. Это и предопределило наше убеждение о необходимости обозначения в уголовном законе цели уголовно-правовой охраны, цели уголовно-правового регулирования и цели наказания или в более широком аспекте, включающим в себя иные меры уголовно-правового характера – цели уголовно-правовой репрессии.

Во-вторых, исходя из определенных целей, станет возможным обозначить, а затем и детализировать конкретные задачи уголовно-правового регулирования, то есть ступени (этапы) достижения обозначенных целей. А значит и те конкретные пути, которыми они могут быть достигнуты.

В-третьих, проблему определения понятия и содержания целесообразности уголовно-правового регулирования необходимо увязать с конкретными причинами, которые порождают противоправные социальные процессы в обществе.

В-четвертых, следует определить критерии целесообразности, благодаря которым можно обеспечить бесконфликтное ее взаимодействие с принципами законности и справедливости применения средств уголовно-правового воздействия.

Следовательно, интересующий нас аспект целесообразности заключается в том, что уголовное законодательство в целом или конкретная его норма, в частности, должны воздействовать не столько на общественно опасные последствия совокупности конкретных деяний в рамках определенного негативного социального процесса, сколько на причины, порождающие данный результат. В этой связи немаловажными являются два факта. Первый – для обоснования целесообразности уголовно-правового регулирования указанные причины должны иметь нормативный характер, то есть быть следствием итога упорядочения конкретных общественных отношений регулятивными отраслями права. Второй фактор целесообразности – отсутствует возможность дальнейшего совершенствования комплексного процесса упорядочения общественных отношений посредством

регулятивных отраслей права или его охрана невозможна иными юридическими средствами помимо уголовно-правовых.

В этом отношении нельзя полностью согласиться с точкой зрения П.С. Дагеля, который в свое время утверждал: «нецелесообразность борьбы с какими-либо деяниями мерами уголовной репрессии может обуславливаться и тем, что их общественная опасность недостаточно осознана и среди большинства населения не выработалось отношения нетерпимости к ним» [13, с. 145–151]. Мы же как раз полагаем, что нельзя связывать целесообразность уголовно-правового воздействия исключительно с общественной опасностью деяния. При ее обосновании необходимо учитывать и противоправность, но не ту, которая заложена в качестве признака преступления, а противоправность, непосредственно связанную с нарушением регулятивных норм.

Вызывает возражение и утверждение автора об условии уголовно-правовой охраны, сформулированное им в последней части, приведенной выше, цитаты. Если согласиться с П.С. Дагелем, то тогда следует отменить уголовную ответственность за наиболее распространенные преступления, например, за кражу, которая является самым массовым и самым интенсивно растущим преступлением.

Так, по данным МВД России за первые три месяца 2014 года существенную часть всех зарегистрированных в стране преступлений (41,2%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 196,3 тыс., грабежа – 20,1 тыс., разбоя – 3,7 тыс. Каждая четвертая кража (25,9%), каждый двадцать четвертый грабеж, и каждое пятнадцатое разбойное нападение были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище [14].

Десять лет назад статистика была практически аналогичной. За январь-март 2003 года 46,1% из числа всех зарегистрированных преступлений составляли хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 256,4 тыс., грабежа – 47,9

тыс., разбоя – 11,8 тыс. При этом половина краж (50,5%), каждый девятый грабёж (11,5%) и каждое четвертое разбойное нападение (24,6%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище [15].

Даже такой простой анализ наглядно показывает – за последние десять лет структура преступлений против собственности практически не изменилась. Изменились лишь ее количественные показатели, непосредственно связанные с общим снижением преступности в стране.

При этом отношение населения к краже издревле философское – «Не украдешь – не проживешь»; «От сумы да от тюрьмы не зарекайся». И ужесточение уголовной ответственности за данные преступления (УК РСФСР 1926 года предусматривалось максимальное наказание за кражу на срок до пяти лет лишения свободы. По УК РСФСР 1960 года за аналогичное преступление уже до пятнадцати лет с конфискацией имущества, а УК РФ – 10 лет лишения свободы со штрафом до одного млн. рублей и с ограничением свободы на срок до двух лет) не имеют положительного воздействия на общественные отношения собственности. На Руси продолжают воровать.

Последний пример как раз наглядно и показывает – если воздействовать лишь на результат обозначенного социального процесса, то эффективность уголовно-правового регулирования будет минимальной. Препятствуя одному негативному его проявлению, тут же следует ожидать другой формы аналогичного общественно опасного поведения, соответствующей не столько изменившейся социально-экономической ситуации, сколько создавшейся в виду реформирования уголовного законодательства правовой обстановке. Подобных примеров в истории уголовно-правового регулирования множество. Это показывает как раз отечественный опыт установления ответственности за ту же кражу или многолетние попытки обеспечения охраны прав потребителей уголовно-правовыми средствами. Начало последнему процессу было положено УК

РСФСР 1926 года. Именно в него впервые был включен ряд положений, предусматривавших уголовную ответственность за различные нарушения в сфере торговли. В частности, ст. 171 УК РСФСР 1926 года «Обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, если это имело или могло иметь последствием причинение вреда здоровью, а равно сбыт таких предметов», ставшая, по нашему мнению, прообразом последующих уголовно-правовых норм в указанной сфере.

Обозначенный подход к уголовно-правовому регулированию общественных отношений в сфере торговли продолжала ст. 156 УК РСФСР 1960 года – в первоначальной редакции «Обман покупателей». Она предусматривала ответственность уже за более обширный перечень нарушений в сфере торговли – «обмеривание, обвешивание, превышение установленных розничных цен, обсчет или иной обман покупателей в магазинах и иных торговых предприятиях или в предприятиях общественного питания», причем без каких-либо материальных последствий. Но товаров в магазинах от этого не прибавилось, да и в торговле порядка больше не стало. Тем не менее, в 1993 года законодатель, изменив название указанной статьи, посредством замены «покупателей» на «потребителей», расширил перечень лиц, подлежащих уголовной ответственности за соответствующие действия. К ним на уровне закона¹ были причислены уже не только работники торговли, но и граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью в сфере оказания услуг. В первоначальной редакции действующего УК РФ также содержались положения об ответственности за обман потребителей, сформулированные в ст. 200 уголовного закона. Однако в ней законодатель, наоборот, пошел по пути су-

¹ Практика расширительного толкования предписаний ст. 156 УК РФ по кругу субъектов существовала и ранее. См.: постановление Пленума Верховного Суда СССР № 2 от 14 марта 1975 г. «О судебной практике по делам об обмане покупателей и заказчиков».

жения рамок уголовного преследования обозначив в качестве квалифицирующего признака основного состава причинение минимального ущерба в сумме, превышающей одну десятую часть минимального размера оплаты труда. Но даже подобная редакция в современных условиях была признана нецелесообразной и Законом от 08 декабря 2003 года указанное преступление совершенно справедливо было исключено из УК РФ. Хотя вопрос о необходимости подобного специального состава возникал еще в 70-х годах прошлого века. Так, Пленум Верховного Суда СССР № 2 от 14 марта 1975 г., разъясняя трудности судебной практики по делам об обмане покупателей и заказчиков, указал, что действия лица, производящего расчеты с гражданами в иных учреждениях, предприятиях, организациях, нежели те, что упомянуты в ст. 156 УК РСФСР (ст. 200 УК РФ), и совершившего обман, должны квалифицироваться как мошенничество. Тем самым Суд фактически признал возможность уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере оказания потребительских услуг не специальной, а общей нормой уголовного закона, что и было сделано значительно позже, но уже на законодательном уровне.

Данный пример наглядно показывает – как бы полно не пытался законодатель обеспечить охрану указанного вида отношений, какие бы суровые наказания не предусматривались за нарушение установленных запретов на первоначальном этапе уголовно-правовой охраны, постоянные изменения социально-экономических факторов вынуждали его расширять и сферу запретов, что в конечном счете привело к созданию нецелесообразной уголовно-правовой конструкции. Вектор охраны, первоначально призванный решить временные задачи, впоследствии ошибочно стал рассматриваться как постоянный. В то же время посредством применения указанной нормы велась борьба не с причиной отсутствия товаров в магазинах или низкого качества оказываемых населению услуг, а со следствием низкой эффективности социалистической системы хозяйствования. Это стало

возможным, в том числе и благодаря отсутствию в уголовном законе четко сформулированных целей регулирования и охраны.

Конечно, не вызывает сомнения тот факт, что в связи с принятием какого-либо регулятивно-правового акта, то есть при упорядочении правом сложившихся, возникших или возникающих общественных отношений, создается потенциальная потребность в охране предписаний, отмеченного выше акта. Другое дело, какие из правоотношений будут выбраны в качестве приоритета охраны и какие правовые средства для этого будут задействованы. При этом неизменным должен быть один постулат – в перечне указанных средств уголовно-правовой охране надо отводить исключительное место. Оно должно являться последним аргументом в попытке воздействия на негативные тенденции, которые, согласно правовому прогнозированию или анализу юридической практики, может вызвать соответствующий правовой акт. Наиболее целесообразным вариантом развития института юридической ответственности будет наделение уголовного законодательства ролью дублирующего правового средства, обеспечивающего реализацию охранительного потенциала других отраслей права. В большей степени это относится к дополнению административно-правовых предписаний или запретов. В предлагаемом варианте механизм охраны будет иметь логическую ступенчатую структуру и состоять из следующих звеньев: правовая норма, непосредственно регулирующая общественные отношения; охранительная норма этого же нормативного акта; административно-правовая охранительная норма; уголовно-правовая норма.

Предлагаемая точка зрения на целесообразность уголовно-правового регулирования подтверждается как конституционными принципами справедливости и соразмерности ограничений прав и свобод конституционно значимыми целями (преамбула; ст. 55, ч. 3), так и нормой, сформулированной в ч. 2 ст. 14 УК РФ.

По мнению Конституционного Суда РФ, значение указанных положений состоит в том, что декриминализация тех или

иных деяний может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона, либо ограничения объема уголовно-правового регулирования в результате законодательного признания какого-либо деяния не представляющим общественной опасности, свойственной именно преступлениям, и влекущим на данном основании административную или иную, более мягкую ответственность¹. Поэтому и возникает необходимость в определении целесообразности не столько уголовно-правовой нормы как способности «законодателя в нормах уголовного закона закреплять наиболее эффективные средства противодействия преступности» [16, с. 94–106], сколько комплексного подхода к упорядочению и охране общественных отношений.

Подобный взгляд на целесообразность с позиции общетеоретических правовых обобщений мы находим у В.С. Афанасьева. Он как раз и предлагает рассматривать изучаемую нами дефицицию в более широком аспекте – в аспекте правового регулирования, понимая под ней «необходимость выбора строго в рамках закона наиболее оптимальных, отвечающих целям и задачам общества вариантов осуществления правотворческой и правореализующей деятельности (поведения)» [17, с. 213].

Примерно таких же взглядов на целесообразность в праве придерживается и А.Д. Бойков. Придавая ей значение принципа правотворчества, автор не ограничивает содержание целесообразности лишь выбором альтернативных законодательных решений, определением способов и пределов правового

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

регулирования, а рассматривает ее и в качестве условия правоприменения [18, с. 191–192].

Особого внимания заслуживает позиция П.А. Фефелова, связывающего целесообразность уже уголовно-правового регулирования с целями и задачами уголовной политики и борьбы с преступностью [19, с. 86–90]. Полагаем, что хотя уголовная политика, как и любая иная разновидность политики государства, несомненно, воздействует на состояние законодательства в государстве, ограничивать целесообразность уголовно-правового регулирования только лишь волей государственной власти нельзя. В этом аспекте важнейшее значение, как мы отмечали выше, имеет и регулятивное законодательство и социально-экономическая необходимость, а также международные политико-правовые обязательства Российской Федерации в сфере противодействия отдельным, наиболее актуальным видам преступлений.

Таким образом, результаты исследования показали – целесообразность уголовно-правового регулирования представляет собой сложное явление, включающее два компонента. Первый связан с законодательным регулированием и определяется в целом уголовной политикой государства. В данном случае целесообразность сводится к вопросу о криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации).

Второй компонент целесообразности встроен в правоприменительный процесс и корректируется целями назначения наказания. Здесь целесообразность призвана обеспечить переход уголовного права от его объективного выражения в субъективное, а в итоге дифференцировать и конкретизировать уголовную ответственность и наказания в отношении определенных деяний и лиц, их совершивших.

Но является ли целесообразность именно принципом процесса адаптации уголовной политики и уголовного законодательства к конкретным социальным реалиям?

Как известно, принцип в праве рассматривается в качестве основополагающей идеи. При этом не обязательно, чтобы такая была выражена непосредственно в специальной правовой норме – норме-принципе с одноименным названием. Идея может быть рассредоточена по различным нормам нормативного акта, лежать вообще за его пределами, к примеру, в Конституции РФ. Применительно к уголовному праву можно отметить принцип неотвратимости ответственности. Как известно, он отсутствует в перечне принципов, закрепленных в ст. ст. 3–7 уголовного закона. Однако нельзя утверждать, что данная идея не нашла в нем своего отражения. Это институты освобождения от уголовной ответственности и наказания, нормы Особенной части УК РФ, в которых определены специальные случаи освобождения от уголовной ответственности. Это и отдельные нормы о снисхождении в части назначения более мягкого наказания. Все эти положения объединяет одна общая идея – идея перечислить и формализовать все возможные основания и условия отступления от общих правил уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) и общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ).

С точки зрения конституционности уголовно-правовых принципов следует назвать принцип права на жизнь. В ч. 2 ст. 20 Конституции РФ продекларировано: «Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей».

Уголовно-правовые принципы могут содержаться также и в официально признанных нашим государством международных правовых актах (к примеру, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Это определено в ч. 2 ст. 1 УК РФ: «Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах междуна-

родного права». Главное, чтобы данные положения-принципы не рассматривались как рекомендации.

Требования, заложенные в норме-принципе, не должны иметь и правовых исключений, т.е. быть обязательными для законодателя и правоприменителя без каких-либо оговорок. К примеру, исходя из наличия в УК РФ принципа вины (ст. 5), ставить вопрос и разрабатывать предложения по установлению уголовной ответственности юридических лиц (корпораций) или как вариант – введение «института мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» (законопроект в 2011 году разработан и внесен в Государственную Думу РФ Следственным комитетом РФ) [20] недопустимо. Это приведет к фактическому узакониванию объективного вменения, т.е. отступлению от основополагающей идеи – виновной уголовной ответственности. При встраивании по мотивам целесообразности данного института в уголовное законодательство следует либо отказаться от принципа вины, исключив его из УК РФ, либо разделить все уголовно-наказуемые деяния на преступления и проступки. Такой подход принят в большинстве стран мира и рекомендован нормативными актами Организации Объединенных Наций (в частности, ст. 26 Конвенции ООН против коррупции). Тогда принцип вины будет распространяться на ответственность за преступления, субъектами которой могут выступать только физические лица. А вот применительно к проступкам будет допускаться объективное вменение, т.е. принцип вины на лиц, их совершивших, распространяться не будет.

Руководствуясь такой аксиомой, можно сделать вывод – целесообразность в настоящее время не является принципом уголовной ответственности, но вполне может рассматриваться в качестве принципа уголовно-правового регулирования. При этом ее можно включить и в УК РФ в качестве принципа уголовной ответственности. Его содержанием должны являться требования к основаниям и условиям

отступления от общих правил уголовной ответственности и назначения наказания. Значимость целесообразности как принципа уголовно-правового регулирования в таком случае будет состоять в использовании ее в качестве гаранта законности применения уголовного права в случаях его коллизии с реальными общественными отношениями. При этом главным критерием такого подхода должен выступать приоритет общественной потребности охраны прав и свобод личности над государственными интересами.

Данный принцип следует рассматривать в системе с принципом справедливости. При этом целесообразность выступает в качестве фактического выражения справедливости, которая, в свою очередь, формирует юридические критерии целесообразности (ст. 6 УК РФ).

Список литературы

1. *Апостолова Н.Н.* О соотношении законности и целесообразности в российском уголовном судопроизводстве: [Электронный ресурс] 2011 // <http://www.juristlib.ru>
2. *Березин А.А.* Пределы правоприменительного усмотрения. Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007.
3. *Селиверстов В.И.* Уголовному законодательству вышел срок: [Электронный ресурс] 2014 // <http://itar-tass.com/opinions/2064>
4. Бюллетень Верховного Суда РФ.1996. № 1.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
6. Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 5.
7. *Бавсун М.В.* Целесообразность в уголовном праве / Под ред. А.И. Марцева. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2004.
8. *Дуюнов В.К.* Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск, 2000.
9. *Анисимов Д.И.* Целесообразность как условие эффективности уголовно-правового воздействия // Бизнес в законе. 2008. № 2.
10. *Рарог А.И.* Судейское усмотрение при применении уголовно-правовых норм // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003, Вып. 2 (7).

11. *Байтурсынова А.* О поиске новой парадигмы модернизации механизма уголовно-правового регулирования: [Электронный ресурс] // *Zakon.kz*. Информационный портал // <http://www.zakon.kz>
12. *Максимов С.В.* Цель в уголовном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002.
13. *Дагель П.С.* О принципе целесообразности наказания // *Правоведение*. 1962. № 1.
14. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – март 2014 года: [Электронный ресурс] // <http://mvd.ru>
15. Состояние преступности – январь – март 2003 года: [Электронный ресурс] // <http://mvd.ru>
16. *Бавсун М.В., Марцев А.И.* Целесообразность в уголовном праве // *Правоведение*. 2003. № 4.
17. *Теория права и государства / Под ред. В. С. Афанасьева. М., 1997.*
18. *Бойков А.Д.* Законность и целесообразность в уголовном судопроизводстве // *Законность в Российской Федерации*. Глава 12. М.: Спарк, 1998.
19. *Фефелов П.А.* Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск, 1970.
20. *Бастрыкин А.* Криминальные фирмы надо судить по Уголовному кодексу : [Электронный ресурс] // *Газета. RU*. 23.03.2011 / <http://www.rg.ru/>

А.В. Мамбетов

Усыновление (удочерение) – результат заботы государства и граждан Российской Федерации о детях

Аннотация. Несмотря на то что вопросам усыновления (удочерения) уделено мало внимания, эта проблематика остается достаточно острой, особенно в свете последних событий, результатом которых стало принятие «Закона Димы Яковлева». В статье предлагается краткий анализ состояния действующего семейного законодательства в сфере усыновления (удочерения) и вопросов теории и практики его применения. Затронуты вопросы международного усыновления (удочерения).

Ключевые слова. Закон, сирота, усыновление (удочерение), координация, Дима Яковлев, опека, попечительство.

Особая актуальность проблемы усыновления детей-сирот, являющихся гражданами Российской Федерации, обусловлена рядом причин, особенно в свете многочисленных нашумевших за последние годы случаев грубого нарушения прав этих детей. Кроме того, усыновление – важнейший правовой институт.

Несмотря на принимаемые меры, проблема государственного контроля за соблюдением прав и законных интересов детей, оставшихся без попечения родителей, при усыновлении их иностранными гражданами остается достаточно острой.

Вряд ли кто-то не согласится с тем, что усыновление выступает одним из наилучших из существующих способов устройства ребенка, обретающего родителей (одного из них), в семью. Причем для детей, попадающих в новую для них семью, находящих благодаря усыновлению новых родителей, налицо устройство в прямом смысле слова. Кроме того, для тех, у кого семья считается неполной, усыновление является способом ее укрепления, превращения в полную, где есть и мать, и отец, и несовершеннолетний ребенок (дети), о котором проявляется соответствующая забота.

Рост числа детей, оставшихся без родительского попечения, бесплодных браков, увеличение количества разводов в семьях, где есть несовершеннолетние дети, естественно, влияет на статистические данные, касающиеся усыновления. А они показывают, что усыновление занимает далеко не второстепенное место среди мер по защите прав ребенка. Семья играет огромную роль в жизни каждого человека, а особенно в жизни ребенка. Семья выступает подготовительным уровнем роста личности ребенка в жизни, является его первым и самым главным источником социальных идеалов, закладывает основы общественного поведения, именно в семье у ребенка формируется определенное мировоззрение на жизнь. У родителей дети перенимают трудолюбие, социальный, культурный, нравственный опыт. Глядя на своих родителей, дети начинают осознавать, как складываются семейные отношения, что, значит, быть отцом или матерью. В каждой семье свои взгляды на воспитание детей, кто-то воспитывает с помощью любви, ласки и уважения, а кто-то, наоборот.

У ребенка есть право жить и воспитываться в семье, несмотря на утрату своих родных родителей, это право у него никто не отнимал. Государство предусмотрело следующие формы устройства детей в семьи – это усыновление, опека и попечительство, приемная семья.

Усыновление (удочерение) является одним из самых древнейших правовых институтов и существует во всех современных странах как наиболее оптимальная форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Так и в России усыновление является одной из основных и достаточно широко распространенных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Усыновление (удочерение) является приоритетной формой среди всех форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Это положение соответствует требованиям международных правовых норм и закреплено в п. 1 ст. 124 Семейного кодекса РФ (далее СК РФ) [3, ст. 124].

Как известно, усыновление (удочерение) это юридический акт, в результате которого между усыновителем (усыновителями) и его родственниками, с одной стороны, и усыновленным, с другой – возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми, а также их родственниками по происхождению.

29 декабря 1995 г. был принят новый Семейный кодекс Российской Федерации, где введен судебный порядок усыновления (удочерения) детей, расширился перечень условий, при котором допустимо усыновление; по новому законодательству недопустима посредническая деятельность при усыновлении. Во всех цивилизованных странах мира такой порядок уже существует.

При усыновлении (удочерении) детей требуется соблюдение многих формальностей, но самым главным, как уже говорилось, остаются права и законные интересы детей, оставшихся без попечения родителей. Интересы ребенка могут быть самыми разнообразными, но самое главное должны быть соблюдены его законные права. Семья, желающая усыновить (удочерить) ребенка, должна создать благоприятные условия для его воспитания и всестороннего развития. Ни в коем случае нельзя разлучать братьев и сестер, которые воспитывались в одном учреждении или проживали вместе до их устройства в детское

воспитательное учреждение, которые осведомлены друг о друге и о своем родстве, за исключением случаев, когда это противоречит интересам детей.

Для наглядности показателей в этой сфере приведем данные Генеральной прокуратуры РФ и Правительства РФ по России за 2012 год (были опубликованы следующие данные) [5]:

- 118 000 детей-сирот;
 - 61 000 детей отданы под опеку;
 - 50 000 родителей ежегодно лишаются родительских прав, а их дети попадают в детдома;
 - 44 000 детей имеют живых родителей, лишенных родительских прав из-за алкоголизма и наркомании;
 - 16 500 российских семей стоят в очереди на усыновление;
 - 6564 ребенка усыновили россияне;
 - 4500 усыновленных детей были возвращены в детские дома;
 - 2604 российских ребенка усыновили иностранцы;
 - 29 детей-инвалидов усыновили россияне;
 - 148 детей-инвалидов усыновили иностранцы.
- Цифры, которые заставляют задуматься.

Подобрать ребенку семью, которая смогла бы принять чужого ребенка, быть психически, морально и физически готова воспитывать не своего кровного ребенка, обладающая терпением, очень сложно. Но, несмотря на всю сложность, все-таки возможно, для этого надо к каждому случаю усыновления подходить сугубо индивидуально. И тогда не будет допущено ни одной ошибки, которые зачастую приводят к плачевным последствиям.

В связи с этим представляется логичным по-новому подойти к пониманию международного усыновления, к содержанию прав и обязанностей сторон с изменением объема и характера обязанностей усыновителя и контролирующих органов. Анализ ныне действующих правовых норм позволяет заложить основы нового подхода к усыновлению в целях более

эффективного использования этой формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей

Сегодня все социальные явления, связанные с детской беспризорностью и безнадзорностью, попали в обозначенный Президентом Российской Федерации перечень угроз национальной безопасности.

Также очень много детей воспитывается в детских домах, интернатах. Воспитываясь в таких учреждениях, дети не приобретают всех тех навыков, которые нужны им для жизни в современном обществе. Дети из таких учреждений выпускаются совершенно неприспособленными к жизни. Они остаются одни в этом огромном мире, многим из них даже негде жить. У них не оказывается в нужный момент рядом родного и близкого человека, который мог бы помочь, дать совет в трудной жизненной ситуации. Ведь именно в трудные моменты жизни человеку необходима его семья, помощь родных и близких людей. Поэтому дети должны воспитываться в семье, а семья – это залог будущего нашей страны.

Современное семейное право предлагает несколько форм устройства детей в семью. Одной из предпочтительных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является усыновление (удочерение).

Согласно п. 1 ст. 137 Семейного кодекса РФ усыновление (удочерение) порождает возникновение родительских прав и обязанностей. На основании закона усыновленные дети приравниваются к родным детям. По смыслу нормы п. 2 ст. 137 СК РФ дети утрачивают все права и обязанности в отношении своих родителей и родственников. При усыновлении (удочерении) усыновители приобретают все те права, которые были бы у них при воспитании своего собственного ребенка. При такой форме воспитания детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, как усыновление (удочерение), дети являются более материально обеспеченными. Кроме того, например,

усыновленные дети в случае смерти своих усыновителей будут получать соответствующие пенсию и пособие.

Дела об установлении усыновления рассматриваются судом с обязательным участием самих усыновителей, представителя органов опеки и попечительства, а также прокурора в соответствии с требованиями гражданского процессуального законодательства. Усыновление (удочерение) допускается только в отношении несовершеннолетних детей. Суд обязан тщательно изучить все материалы дела, в котором должны быть соблюдены все условия и собраны все документы для усыновления, которые позволили бы суду вынести правильное решение. Усыновление невозможно, если не будет письменного волеизъявления усыновителей, заключения органа опеки и попечительства об обоснованности усыновления (удочерения), согласия самого ребенка, достигшего десяти лет, его родителей на усыновление (удочерение). Однако в соответствии со ст. 130 СК РФ не всегда требуется согласия родителей усыновляемого ребенка

Состоявшееся усыновление подлежит государственной регистрации в порядке, установленном для государственной регистрации актов гражданского состояния, по месту вынесения судебного решения об установлении усыновления.

Известен также круг лиц, которые не могут быть усыновителями в соответствии со ст. 127 СК РФ. Это делается в целях обеспечения интересов усыновляемого. Закон признает таковыми:

- лиц, признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными;
- супругов, один из которых признан судом недееспособным или ограниченно дееспособным;
- лиц, лишенных по суду родительских прав или ограниченных судом в родительских правах;
- лиц, отстраненных от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее выполнение возложенных на него законом обязанностей;

– бывших усыновителей, если усыновление отменено судом по их вине;

– лиц, которые по состоянию здоровья не могут усыновить (удочерить) ребенка. Перечень заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку, попечительство, взять в приемную или патронатную семью, устанавливается Правительством Российской Федерации [4]. Медицинское освидетельствование лиц, желающих усыновить (удочерить) детей, оставшихся без попечения родителей, проводится в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в порядке, установленном уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти;

– лиц, которые на момент установления усыновления не имеют дохода, обеспечивающего усыновляемому ребенку прожиточный минимум, установленный в субъекте Российской Федерации, на территории которого проживают усыновители (усыновитель);

– лиц, не имеющих постоянного места жительства;

– лиц, имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности;

– лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость за тяжкие или особо тяжкие преступления;

– лиц, не прошедших подготовки в порядке, установленном пунктом 4 статьи 127 СК РФ (кроме близких родствен-

ников ребенка, а также лиц, которые являются или являлись усыновителями и в отношении которых усыновление не было отменено, и лиц, которые являются или являлись опекунами (попечителями) детей и которые не были отстранены от исполнения возложенных на них обязанностей);

– лиц, состоящих в союзе, заключенном между лицами одного пола, признанном браком и зарегистрированным в соответствии с законодательством государства, в котором такой брак разрешен, а также лиц, являющихся гражданами указанного государства и не состоящих в браке.

Усыновление детей иностранными гражданами и гражданами РФ, постоянно проживающими за ее пределами, считается международным усыновлением. Международное усыновление допускается лишь в том случае, если невозможно осуществлять уход за ребенком в своей собственной стране. Международное усыновление должно проводиться исключительно в интересах ребенка, оно должно осуществляться по национальному закону той страны, где осуществляется усыновление (удочерение). Для осуществления международного усыновления необходимо соблюдение условий обеих сторон.

Примечательна реакция Российской Федерации на участвовавшие случаи бесчеловечного обращения с детьми-сиротами – гражданами РФ, усыновленными гражданами США. В связи с этим в 2012 г. был принят Федеральный закон РФ, вводящий запрет на передачу детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, а также осуществление на территории Российской Федерации деятельности органов и организаций в целях подбора и передачи детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, желающим усыновить (удочерить) указанных детей [1].

Отменить усыновление (удочерение) можно только в судебном порядке. Отмена усыновления (удочерения) допускается до достижения усыновленным ребенком совершеннолетия, когда усыновление (удочерение) перестает соответствовать интересам ребенка (ст. 140 СК РФ). Потребовать отмены усыновления могут: родители ребенка, его усыновители, сам усыновленный ребенок, достигший 14-летнего возраста, орган опеки и попечительства, прокурор.

Усыновление возможно отменить в случае, если имеет место уклонение усыновителей от выполнения принятых ими на себя обязанностей родителей, злоупотребление приобретенными им родительскими правами, жестокое обращение с усыновленным ребенком, заболевание алкоголизмом и наркоманией усыновителей.

Также в соответствии со ст. 141 СК РФ могут быть и другие обстоятельства для отмены усыновления (удочерения).

При рассмотрении вопросов усыновления (удочерения) видится целесообразным предложить ряд рекомендаций по совершенствованию семейного законодательства в этой сфере.

Перечень лиц, которые не могут быть усыновителями, является исчерпывающим. Вместе с тем представляется, что не могут быть усыновителями лица, ранее судимые за умышленные преступления против жизни и здоровья детей. Думается, что ст. 127 СК РФ должна быть дополнена этим положением.

В целях улучшения координации мероприятий в области защиты прав детей представляется целесообразным рассмотреть вопрос об упорядочении и оптимизации существующей и на федеральном, и на региональном уровнях системы государственных органов и общественных организаций, деятельность которых направлена на защиту законных прав детей.

Изложенное свидетельствует о том, что имеет место определенное несовершенство нормативно-правовой базы в сфе-

ре обеспечения прав несовершеннолетних детей, что является неблагоприятным фактором, который при определенных условиях может способствовать созданию угрозы национальной безопасности в целом. Поэтому необходима дальнейшая разработка правовых основ обеспечения безопасности несовершеннолетних.

С принятием Федерального закона от 24 июля 1998 года «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [2] законодательно определены цели государственной политики, основные направления и организационные основы обеспечения прав ребенка, конкретизированы полномочия органов государственной власти различного уровня в этой сфере. Законом установлены основные принципы государственной политики в интересах детей, включающие законодательное обеспечение прав ребенка, государственную поддержку семьи в целях обеспечения защиты прав детей, ответственность должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов ребенка, а также государственную поддержку органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций, осуществляющих деятельность по защите прав и законных интересов ребенка.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [Текст] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> от 28.12.2012.

2. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 02.12.2013) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. № 147 от 05.08.1998.

3. Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995г. №223-ФЗ (ред. от 25.11.2013, с изм. от 31.01.2014) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1. Ст. 16.

4. Постановление Правительства РФ от 14.02.2013 № 117 «Об утверждении перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью» [Текст] // <http://www.pravo.gov.ru> от 05.09.2013.

5. Интернет-сайт Центра мониторинга реализации Национальной стратегии действий в интересах детей – <http://мониторингнсид.рф/news/71>

Н.С. Чувашова

Реализация конституционного права на жилье детьми-сиротами в Челябинской области

Аннотация. В статье анализируется законодательство, регламентирующее предоставление жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Приводятся примеры, которые связаны с судебной защитой нарушенных прав указанной категории лиц.

Ключевые слова. Дети-сироты, право на жилье, возраст, заявление, суд, прокурор, адвокат, судопроизводство.

Решение проблем детей-сирот является в настоящее время одной из приоритетных задач нашего государства. В Жилищном кодексе РФ (п. 2 ч. 2 ст. 57) предусмотрено право детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на внеочередное получение жилья по окончании их пребывания в образовательных и иных учреждениях, в том числе в учреждениях социального обслуживания, в приемных семьях, детских домах семейного типа, при прекращении опеки (попечительства), а также по окончании службы в Вооруженных Силах Российской Федерации или по возвращении из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы [2]. Однако часто эти права нарушаются. Нарушения заключаются в том, что таким детям необоснованно отказывается в постановке на учет на внеочередное получение жилья.

По мнению Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка Павла Астахова, одной из основных проблем в сфере защиты прав несовершеннолетних являются жилищные права [1].

Федеральный закон РФ от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [12] устанавливал возрастную границу, после которой ребенок не мог реализовать свое право на получение жилья. Если сирота обращался с заявлением о предоставлении жилья до 23 лет, то жилье ему предоставлялось, если же он обратился, когда ему исполнилось 23 года, то такое право он терял.

В ст. 5 Федерального закона РФ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» определено, что предусмотренные Федеральным законом дополнительные гарантии для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (за исключением детей, обучающихся в федеральных государственных образовательных учреждениях), являются расходными обязательствами субъектов Российской Федерации.

В соответствии с данным Федеральным законом РФ был принят Закон Челябинской области от 25 октября 2007 г. № 212-ЗО «О мерах социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, вознаграждении, причитающемся приемному родителю, и социальных гарантиях приемной семье» [16], согласно ч. 1 ст. 17 которого дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, лица из их числа в возрасте до 23 лет, а также дети, находящиеся под опекой (попечительством) и в приемных семьях, не имеющие закрепленного жилого помещения, после окончания пребывания в образовательных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, под опекой (попечительством) однократно обеспечивались жилыми помещениями в соответствии с законодательством Российской Федерации и Челябинской области.

Губернатором Челябинской области было подписано постановление от 21 августа 2008 г. № 273 «Об утверждении Порядка обеспечения детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа жилыми помещениями по договору социального найма» [17].

Данный Порядок был разработан в соответствии с Законами Челябинской области от 25 октября 2007 г. № 212-ЗО «О мерах социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, вознаграждении, причитающемся приемному родителю, и социальных гарантиях приемной семье», от 22 декабря 2005 г. № 442-ЗО «О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [15], от 23 августа 2007 г. № 191-ЗО «Об организации и осуществлении деятельности по опеке и попечительству в Челябинской области» [11] и регулирует вопросы обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа в возрасте до 23 лет, а также детей, находящихся под опекой (попечительством) и в приемных семьях (далее именуются – дети-сироты), не имеющих закрепленного жилого помещения, после окончания пребывания в образовательном учреждении для детей-сирот, учреждении социального обслуживания, в учреждении всех типов профессионального образования, под опекой (попечительством) и в приемных семьях, либо по окончании службы в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации, либо после возвращения из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, жилым помещением.

Дети-сироты должны обеспечиваться жилыми помещениями по договору социального найма из муниципального жилищного фонда однократно по месту выявления и первичного устройства.

Так, 9 апреля 2010 г. Судебная коллегия по гражданским делам Челябинского областного суда рассмотрела в откры-

том судебном заседании в г. Челябинске дело по кассационной жалобе Г.П.В. на решение Советского районного суда г. Челябинска от 9 февраля 2010 г., которым ему было отказано в иске о признании отказов администрации Советского района г. Челябинска и администрации г. Челябинска в предоставлении жилья незаконными, возложении обязанности по предоставлению жилья. В определении указано, что оснований не соглашаться с такими выводами суда первой инстанции у Судебной коллегии не имеется, так как они соответствуют фактическим обстоятельствам дела, представленным доказательствам и требованиям закона.

В обоснование жалобы истцом указано, что отказ администрации Советского района г. Челябинска и администрации г. Челябинска в постановке на очередь для предоставления жилья во внеочередном порядке по мотиву, что его возраст превышает 23 года и он не может быть отнесен к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, полагает незаконным, так как его права на обеспечение его жилым помещением реализованы не были.

Судом было отказано в иске на том основании, что лица из числа детей-сирот детей, оставшихся без попечения родителей, достигшие 23-летнего возраста, имеют право на внеочередное предоставление им жилья по основаниям, предусмотренным указанным выше законом, а также ч. 2 ст. 57 ЖК РФ, только при условии их постановки на учет в качестве нуждающихся в обеспечении жилой площадью до достижения ими предельного возраста – 23 лет [4].

Аналогичные решения Судебная коллегия по гражданским делам Челябинского областного суда принимала и по другим жалобам [5; 6].

С 1 января 2013 г. вступил в законную силу Федеральный закон РФ от 29 февраля 2012 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями де-

тей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [13]. Закон предоставил возможность таким детям реализовать свое право на внеочередное получение жилого помещения. Право на получение жилого помещения дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, имеют сразу после исполнения сироте 18 лет. Срок получения жилья может быть отложен только по личному заявлению. До этого жилое помещение предоставлялось только после окончания учебы в общеобразовательном учреждении, службы в армии, по отбытию срока наказания.

Упомянутый выше Закон отменил возрастную границу, и в настоящее время сироты старше 23 лет приобрели право на получение жилья.

В ежегодном докладе Уполномоченного по правам ребенка в Челябинской области М. Павловой отмечено, что общее количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, получивших жилье в 2012 г., было 465 человек, состоящих в очереди на получение жилья на 1 января 2013 г. осталось 1521 человек [10, с. 92].

Изменения в законодательстве позволили сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в 2013 г. получить жилое помещение в виде отдельной благоустроенной квартиры. До 1 января 2013 г. сироты получали в основном комнаты в коммунальных квартирах.

Ранее в соответствии со ст. 8 Федерального закона РФ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также дети, находящиеся под опекой (попечительством), не имеющие закрепленного жилого помещения, обеспечивались органами исполнительной власти по месту жительства вне очереди жилой площадью не ниже установленных социальных норм. Предоставление жилой площади в виде отдельной благоустроенной квартиры не было предусмотрено.

В 2013 г. за помощью к адвокату обратилась сирота А.К.С и просила помочь обжаловать отказ администрации района в предоставлении ей отдельной квартиры. По решению администрации ей была выделена комната в коммунальной квартире в 2012 г., и она туда заселилась. В связи с тем, что право на получение жилого помещения она реализовала по ранее действующему закону, Федеральный закон РФ от 29 февраля 2012 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» регулирует жилищные правоотношения с 1 января 2013 г. и к ней не может быть применен.

В то же время если администрация не выполнила свои обязательства и не предоставила сироте жилое помещение в виде комнаты в коммунальной квартире по решению суда или по решению самой администрации до 1 января 2013 г., то сирота вправе отказаться от получения комнаты в коммунальной квартире и имеет право требовать предоставить однокомнатную квартиру. Для этого необходимо обратиться к администрации, которую суд обязал предоставить сироте жилье, а в случае отказа администрации предоставить отдельное жилое помещение надлежит обратиться в суд.

Закон защитил сирот от мошенников, жертвами которых они становились после получения жилья.

Жилое помещение предоставляется сроком на 5 лет по договору социального найма и не может быть приватизировано, так как относится к специализированному жилищному фонду. Только после истечения пятилетнего срока может быть заключен обычный договор социального найма. Выселение детей данной категории из жилого помещения без предоставления другого жилья не допускается.

До 1 января 2013 г. сироты не имели право на получение жилья, если за ними было ранее закреплено жилье, в котором они проживали до помещения их в образовательные и иные

учреждения, в том числе в учреждения социального обслуживания, в приемные семьи, детские дома семейного типа, при прекращении опеки (попечительства), а также по окончании службы в Вооруженных Силах Российской Федерации или по возвращении из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

В настоящее время запрещено вселять детей в закрепленные жилые помещения, если в них проживают родители, лишенные родительских прав; проживают лица, страдающие тяжелой формой хронических заболеваний; помещения не соответствуют установленным санитарным и техническим нормам; если общая площадь жилого помещения, приходящая на одного человека, проживающего в данном помещении, менее учетной нормы. Так, в г. Челябинске такая норма составляет 10 кв.м.

Жилое помещение детям-сиротам предоставляется вне очереди по договору социального найма (без учета членов семьи) в соответствии с нормой предоставления площади жилого помещения, установленной органом местного самоуправления соответствующего муниципального образования.

31 мая 2002 г. был принят Федеральный закон РФ № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [14].

28 июля 2005 г. в Реестр адвокатских образований Челябинской области была внесена запись за регистрационным номером 19 об учреждении Некоммерческой организации Коллегии адвокатов Южного Урала «Защита» по оказанию правовой помощи детям-сиротам Челябинской области. Создание такой коллегии было обусловлено тем, что эта категория граждан была самой незащищенной и не имела возможности получить бесплатно квалифицированную юридическую помощь. Многие сироты впервые получили свое жилье не без помощи адвокатов коллегии, которые помогли им реализовать свое право на внеочередное получение жилого помещения по договору социального найма (п. 2 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ).

Работая в тесном сотрудничестве с Уполномоченным по правам ребенка в Челябинской области М.Н. Павловой, адвокаты оказывают юридическую помощь детям-сиротам, которые обращаются к Уполномоченному по вопросу незаконного лишения жилья, по отказам в получении жилого помещения или когда они оказались в трудной ситуации [3, с. 21–22].

В интересах детей-сирот прокуроры Челябинской области предъявляют иски об обязанности администраций районов, городов и Правительства Челябинской области предоставить благоустроенное жилое помещение специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений по нормам предоставления площади жилого помещения по договорам социального найма за счет средств бюджета Челябинской области [7; 8; 9].

Правительство Челябинской области приняло постановление от 15 апреля 2013 г. № 136-П «Об отдельных вопросах обеспечения жилыми помещениями специализированного жилищного фонда детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа» [18], которым утверждены: Перечень документов, необходимых для включения в список подлежащих обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа; Порядок установления факта невозможности проживания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа в ранее занимаемых жилых помещениях, нанимателями или членами семей нанимателей по договорам социального найма либо собственниками которых они являются; Порядок выявления обстоятельств, свидетельствующих о необходимости оказания лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, содействия в преодолении трудной жизненной ситуации; Порядок предоставления жилых помещений специализированного жилищного фонда детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из их числа.

Представляется, что принятые на федеральном уровне и в Челябинской области правовые акты направлены на защиту жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и гарантируют им получение жилья. Кроме того, следует признать достаточную эффективность деятельности правоприменителя в части судебной защиты права на жилье обозначенной категории лиц.

Список литературы

1. *Анисимов С.* PR в общественных интересах // Новая адвокатская газета. 2013. 15 декабря.

2. Жилищный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Рос. газ. 2005. 12 января.

3. *Жихарева Т.Г., Чувашова Н.С.* Есть такая коллегия адвокатов на Южном Урале // Творчество адвокатов Челябинской области. Челябинск, 2011.

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 9 апреля 2009 г. по делу № ГК-008350-04/2009: Сайт Челябинского областного суда. URL: <http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=bsr&mid=143> (дата обращения: 05.01.2014).

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 14 июля 2011 г. по делу № ГК-006149-02/2011: Сайт Челябинского областного суда. URL: <http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=bsr&mid=143> (дата обращения: 05.01.2014).

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 20 февраля 2013 г. по делу № ГА-00941-02/2013: Сайт Челябинского областного суда. URL: <http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=bsr&mid=143> (дата обращения: 05.01.2014).

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 21 ноября 2011 г. по делу № ГК-010604-02/2011: Сайт Челябинского областного суда. URL: <http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=bsr&mid=143> (дата обращения: 05.01.2014).

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 6 мая 2013 г. по делу № ГА-005458-02/2013: Сайт Челябинского областного суда. URL: <http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=bsr&mid=143> (дата обращения: 05.01.2014).

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 26 декабря 2013 г. по делу № ГА-001230-02/2013: Сайт Челябинского областного суда. URL: <http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=bsr&mid=143> (дата обращения: 05.01.2014).

10. Павлова М. Стратегия действий в интересах детей Челябинской области на 2012–2017 год. Челябинск, 2012.

11. Режим доступа: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 05.01.2014).

12. Рос. газ. 1996. 27 декабря.

13. Рос. газ. 2012. 2 марта.

14. Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Рос. газ. 2002. 05 июня.

15. Южноуральская панорама. 2005. 30 декабря.

16. Южноуральская панорама. 2007. 15 ноября.

17. Южноуральская панорама. 2008. 26 августа.

18. Южноуральская панорама 2013. 7 мая.

ОБРАЗОВАНИЕ

А.С. Волкова

Волонтерство как средство формирования ценностных ориентаций старшеклассников

Аннотация. В работе представлено исследование ценностно-мотивационной сферы подростков, участвующих в добровольческой деятельности, и подростков, не интересующихся общественной деятельностью вообще. Была выполнена оценка степени сформированности таких жизненных ценностей, как семья, карьера, престиж, материальное удовлетворение, личностный и профессиональный рост, духовное развитие и др. Выявленные отличия позволили показать роль этого вида общественно полезной деятельности в становлении личности, а именно в формировании ценностных установок.

Ключевые слова. Волонтер, волонтерство, индивидуальные характеристики личности, терминальные ценности

В стратегии развития молодежи Российской Федерации до 2025 года [7] говорится о необходимости формирования у молодого поколения установок на самостоятельность и лидерские качества, сохранение и развитие духовно-нравственных и семейных ценностей, общечеловеческих ценностей. Проанализировав возрастные особенности развития личности [1, 2, 5], мы пришли к выводу, что «юность» является наиболее благоприятным этапом для формирования ценностных ориентаций.

Ценностные ориентации — важнейший компонент сознания личности, существенно влияющий на восприятие окружающей среды, отношение к обществу, социальной группе, на представления человека о самом себе. Ценности и нормы общества передаются детям в процессе воспитания. Штерн попытался изменить старую поговорку («Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты»), придав ей другое значение («Скажи мне, что для тебя ценно, что ты переживаешь как наивысшую ценность твоей жизни, и я скажу кто ты»). В нашем исследовании мы придерживаемся взглядов Штерна и соглашаемся с его взглядами относительно зависимости формирования личности от того, какая ценность переживается как наивысшая.

Для эксперимента был выбран старший школьный возраст, или возраст «ранней юности» – период жизни человека от 14 до 17 лет. Основные новообразования в психике подростка связаны с общественно-полезной деятельностью [5]. На сегодняшний день общественно-полезную деятельность принято называть волонтерством. Волонтерство определяется как широкий круг деятельности, включающий традиционные формы взаимопомощи, предоставление услуг и другие формы гражданского участия, который осуществляется добровольно на благо широкой общественности без расчета на денежное вознаграждение [3].

Мы провели исследование, в котором сравнили ценностные ориентации старшеклассников, никогда ранее не принимавших участия в общественно-полезной деятельности, и волонтеров того же возраста, с целью выяснения, как волонтерство может повлиять на формирование ценностных ориентаций. Различными авторами [4] предлагаются самые разнообразные инструменты для оценки ценностно-мотивационной сферы подростков. В качестве экспериментального метода исследования нами был выбран «Опросник терминальных ценностей» И.Г. Сенина [6], в котором анализируются такие ценности, как стремление к материальным благам, престижу, са-

моразвитию, общению, духовному удовлетворению и т. д. Для интерпретации результатов мы воспользовались математической проверкой достоверности отличий с использованием t-критерия Стьюдента.

Сравнение достоверности отличий по жизненным сферам показало значительные отличия в сфере семьи и в сфере общественной жизни ($\alpha = 0,01$). Среди волонтеров эти сферы имеют наибольшую ценность, нежели среди «не волонтеров». Это говорит о высокой значимости для человека всего того, что связано с семьей и проблемами общества, в котором он живет. Этот факт объясняется тесной связью волонтерства с участием в таких социальных проблемах, как работа с пожилыми одинокими людьми, с детьми-сиротами, с людьми, лишенными нормальной семьи, вовлечением в различные общественно-политические акции. Западание ценности этих сфер у «не волонтеров» можно объяснить тем, что ведущей деятельностью в этом возрасте все-таки является учебно-познавательная деятельность. Современному школьнику необходимо принять решение по поводу предметов, которые он будет сдавать, профессии, в которой он хотел бы работать. Неудивительно, что сфера обучения и образования для «не волонтеров» куда важнее всех остальных сфер ($\alpha = 0,10$). Можно сделать вывод о том, что старшеклассники, задействованные в волонтерской деятельности, больше озабочены проблемами общества и окружающих их людей, нежели старшеклассники, не имеющие к этому никакого отношения.

Интересные результаты были получены при сравнении терминальных ценностей. Значительно опередили волонтеры простых школьников в социальных контактах ($t = 3,35$; $\alpha = 0,001$). Высокие баллы по данному показателю свидетельствуют о стремлении человека к установлению благоприятных взаимоотношений с другими людьми. Для таких людей очень значимы все аспекты человеческих взаимоотношений. Неудивительно, что, отвечая на открытый вопрос анкеты «Как

волонтерство изменило Вашу жизнь?», многие написали о том, что стали больше общаться, завели много новых знакомств и стали менее стеснительными в общении.

Согласно периодизации психосоциального развития Э. Эриксона [1, 2] на этот возраст приходится решение такой задачи, как собрать воедино все имеющиеся знания о самих себе. Развитие личной идентичности происходит под влиянием тех социальных групп, с которыми подросток себя идентифицирует. Согласно полученным результатам развитие личной идентичности у волонтеров развито лучше, чем у не волонтеров. Это говорит о том, что волонтеры больше заинтересованы в объективной информации об особенностях своего характера, своих способностях и других характеристиках своей личности. Они в наибольшей степени склонны к самосовершенствованию и стремятся к полной реализации своих потенциальных способностей. Процесс саморазвития или личной идентичности весьма важен, так как неспособность молодых людей успешно справиться с ним может привести к кризису идентичности, а именно к внутреннему разладу, бесцельности, отчужденности и неспособности выбрать карьеру и дальнейшее образование. Волонтерские отряды, вероятно, оказывают сильное влияние на саморазвитие подростков, давая возможность проявить себя в самых разных направлениях. Сами волонтеры отмечают, что волонтерская деятельность раскрыла в них способности, о которых они и не подозревали (открыли в себе лидерские качества (8 человек), стали более понимающими (11 человек)).

Мы живем в материальном мире, и на сегодняшний день материальные ценности доминируют над ценностями духовными. Наличие каких-либо вещей престижа куда важнее для подростка, нежели его внутренний мир. Сравнение по таким терминальным ценностям, как собственный престиж и материальное положение, выдвинуло «не волонтеров» вперед. Высокие показатели по данным ценностям говорят о том, что

испытуемые часто заинтересованы во мнениях окружающих о себе, так как нуждаются в социальном одобрении, им характерна убежденность в том, что высокое материальное благосостояние является основанием для развития чувства собственной значимости.

Интересен тот факт, что в показателе «духовной удовлетворенности», ценности обратно пропорциональной «материальному положению», не волонтеры также отличиться не смогли. Это говорит о том, что включение подростков в волонтерскую деятельность влияет на его ценностные ориентации. Подросток начинает включаться в какую-либо деятельность не за какое-то вознаграждение или даже похвалу, а ради морального удовлетворения. Многие респонденты среди волонтеров написали в своих анкетах о том, что волонтерство приносит им душевное спокойствие, хорошее настроение, уважение со стороны знакомых и родных.

Таким образом, подводя итог, можно с уверенностью сказать, что волонтерство является мощным инструментом формирования ценностных ориентаций подростков. Необходимо включать молодых людей в подобную деятельность, чтобы создавать пространство для всестороннего развития личности, личности, направленной на развитие не только себя, но и общества, в котором существует.

Список литературы

1. Возрастная и педагогическая психология. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Под ред. М.В. Гамезо и др. [Текст] / М.В. Гамезо и др. – М., 1984. – 256 с.

2. Обухова, Л.Ф. Возрастная психология. Учебник для вузов [Текст] / Обухова Л.Ф. – М.: Высшее образование; МГППУ, 2006. – 460 с.

3. Киселева, Т.Г. Исследование доминирующей мотивации к участию в добровольческой деятельности [Текст] / Т.Г. Киселева

// Ярославский педагогический вестник. Т. II (Психолого-педагогические науки). 2013. №2. С. 44–48.

4. *Киселева, Т.Г.* Психодиагностический инструментарий для оценки социальной одаренности [Текст] / Т.Г. Киселева // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2013. №2. Т. 19. С. 74–77.

5. *Кулагина, И.Ю.* Возрастная психология (Развитие ребенка от рождения до 17 лет): учебное пособие [Текст] / Кулагина И.Ю. – М.: Изд-во РОУ, 1996. – 180 с.

6. *Сенин, И.Г.* Опросник терминальных ценностей [Текст] / Сенин И.Г. – Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1991. – 31 с.

7. Стратегия развития молодежи Российской Федерации до 2025 года (проект) <http://vmo.rgub.ru/files/project-937-2.pdf> (дата входа 24.03.2014).

ЭКОНОМИКА

О.Р. Заточина

Банковские услуги предприятиям

Аннотация. На современном этапе экономического развития нашей страны важную роль в обеспечении условий создания реального рыночного механизма играют банки, а также оказываемые ими банковские услуги. Несмотря на разнообразие банковских услуг, есть отрасли экономики, которые не имеют возможности пользоваться полным спектром банковских услуг, к таким отраслям относятся, в том числе и низко-рентабельные предприятия – сельскохозяйственные товаро-производители. Одним из основных кредиторов сельскохозяйственных предприятий в настоящее время является ОАО «Российский сельскохозяйственный банк». Однако и он на сегодняшний день не обеспечивает в полном объеме потребности в банковских услугах предприятия сельского хозяйства. В частности, банк не развивает такую важную для сельхозтоваро-производителей услугу, как лизинг, который представляется выгодным как для банка, так и для заемщика.

Ключевые слова. Банк, банковская услуга, ОАО «Россельхозбанк», лизинг.

Существующая в России система банковских услуг ориентирована на отрасли с относительно высокой оборачиваемостью капитала, процентные ставки и условия кредито-

ния не дают возможности сельскохозяйственному товаропроизводителю действовать «на равных» на рынке банковских услуг. Кредитование сельскохозяйственных предприятий коммерческими банками затруднено или невозможно из-за их низкой доходности, относительно низкой отдачи вложенного капитала, неликвидности имущества и нерешенности земельного вопроса. Сельское хозяйство представляет собой неперспективный объект инвестирования, не обеспечивающий возврат заемных средств, выдаваемых на общих условиях, как правило, на более короткий, чем необходимо, срок. Инвестиционный климат в отрасли может быть охарактеризован как крайне неблагоприятный, сопровождающийся дальнейшим оттоком финансовых ресурсов.

Однако развитие современного агропромышленного производства является важнейшей составляющей экономики России и в значительной степени определяется уровнем инвестиционной активности. С целью поддержания инвестиционной активности сельхозтоваропроизводителей был создан ОАО «Российский сельскохозяйственный банк».

ОАО «Российский сельскохозяйственный банк (Россельхозбанк)» – кредитная организация, созданная в соответствии с Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» и Федеральным законом «Об акционерных обществах» в целях реализации кредитно-финансовой политики Российской Федерации в агропромышленном комплексе и формирования эффективной системы кредитно-финансового обслуживания агропромышленного комплекса.

Россельхозбанк начал активно развиваться с первого же дня своей работы и сегодня входит в число крупнейших банков страны и лидирует среди кредиторов агропромышленного комплекса России, располагая второй по величине в стране филиальной сетью – в настоящее время функционируют 78 филиалов и свыше 1,5 тыс. офисов в регионах страны. В арсенале банка десятки кредитных программ: он активно креди-

тует животноводство, растениеводство, приобретение сельхозтехники под ее залог, а также оказывает серьезную помощь развитию малого агробизнеса – владельцам личных подсобных и крестьянских (фермерских) хозяйств.

Однако в настоящее время одним из самых острых противоречий на пути расширения внедрения ОАО «Россельхозбанк» банковских услуг в сельскохозяйственную отрасль является противоречие основ функционирования этих двух видов предпринимательства. Банку нужны клиенты с определенной степенью платежеспособности и, что не менее важно, гарантированности возврата заемных средств. Тогда как характерной чертой сельского хозяйства являются неравномерность, сезонность производства и множественность рисков как производственного характера, так и связанных со сбытом сырья и готовой продукции.

Исходя из этого, автор статьи предлагает воспользоваться существующими в мировой банковской практике способами, позволяющими снять остроту данного противоречия. К ним следует отнести лизинг, который также не используется в ОАО «Россельхозбанк».

Лизинг — это, по сути, кредит, предоставляемый лизингодателем лизингополучателю в форме передаваемого имущества, т.е. в товарной форме, на условиях срочности, возвратности и платности. Он является специфической формой финансирования капиталовложений, альтернативной традиционному банковскому кредитованию и использованию собственных финансовых ресурсов предприятий. Лизинг является договором особого рода, в котором сочетаются элементы договора аренды и договора о предоставлении кредита. Поэтому лизинг иногда называют «кредит-аренда» [1, с. 20].

Суть лизинга заключается в том, что банк, вместо того чтобы выдать ссуду предприятию, предлагает ему приобрести оборудование с помощью лизингового соглашения, по которому банк покупает и сдает его в аренду предприятию. В соответ-

ствии с заключенным договором предприятие должно вносить лизинговые платежи, которые в конечном счете полностью покрывают стоимость купленного банком и сданного в аренду оборудования. Для предприятий лизинг является специфической формой финансирования капиталовложений [2, с. 251].

На взгляд автора, важнейшим преимуществом лизинга для кредитора является сохранение права владения объектом лизинга до окончания лизинговой сделки. Такой способ страхования кредитных рисков позволяет банкам снизить процент по финансовым ресурсам, предоставляемым заемщику, что позволяет включить в сферу охвата этой услугой даже такие низкорентабельные на современном этапе отрасли, как сельское хозяйство.

Очень важно, что оборудование, приобретенное по договору лизинга, может не числиться на балансе лизингополучателя в течение всего срока действия договора.

Таким образом, не происходит увеличение активов, и предприятие освобождается от уплаты налогов на приобретенные основные средства. Лизинговые платежи, уплачиваемые предприятием, целиком относятся на издержки производства. Это обстоятельство является весьма существенным в связи с тем, что при учете основных средств, приобретенных за счет кредитных ресурсов, предприятия руководствуются нормами, изложенными в Положении о составе затрат, утвержденном Правительством Российской Федерации от 5.08.1992 № 552.

В соответствии с указанным Положением затраты на уплату процентов по ссудам, связанным с приобретением основных средств, не относятся на затраты, включаемые в себестоимость.

С целью наращивания клиентов и поддержания сельскохозяйственных товаропроизводителей ОАО «Россельхозбанк», наряду с уже действующими программами кредитования предприятий сельского хозяйства, а также проектами, реализация которых планируется на ближайшее время, необходимо раз-

вернуть программу внедрения лизинговых операций для закупки предприятиями сельского хозяйства техники и оборудования. В обоснование этого следует провести анализ приобретения техники, который подтверждает, что расширение лизинговых операций представляется выгодным как для банка, так и для заемщика.

Пример: Учет основных средств осуществляется на балансе лизингополучателя.

Исходные данные для расчета:

стоимость единицы техники, включая НДС, – 6 000 000 руб.;

норма износа (амортизации) имущества в год – 6,5%;

ставка налога на имущество (по Астраханской области) – 2,2% в год;

ставка налога на прибыль – 24 %;

срок лизинга – 5,1 года;

применяемый коэффициент ускоренной амортизации – 3.

Вариант первый – прямая покупка техники предприятием. В этом случае предприятие уплачивает стоимость техники в размере 6 000 000 руб., в том числе НДС в размере 1 080 000 руб. НДС в соответствии с правилами бухгалтерского учета после постановки техники на баланс предприятия и оплаты подлежит зачету из бюджета.

За время использования техники (амортизации его балансовой стоимости) предприятие заплатит налог на имущество в размере:

$$\frac{5000000(\text{балансовая стоимость})}{2} \cdot 2,2\%(\text{ставка налога на имущество}) \cdot 15,4(\text{года}) = 833448 \text{руб.}$$

Приобретение техники приведет к увеличению общей суммы амортизационных отчислений предприятия на 319 800 руб. в год (4920000 · 6,5%), и в том случае если предприятие имеет налогооблагаемую базу по налогу на при-

быль, – соответственно к уменьшению налога на прибыль в размере 76 752 руб. в год. Поскольку уменьшение налога на прибыль будет происходить на протяжении всего периода амортизации (15,4 года), то для оценки общей величины суммы уменьшения налога на прибыль необходимо каждое ежегодное уменьшение налога дисконтировать к текущему моменту. При использовании ставки дисконтирования 18% годовых общая сумма уменьшения налога составит на текущий момент 745 605 руб.

Вариант второй – приобретение техники по лизингу. В этом случае предприятие-лизингополучатель имеет законодательно закрепленное право использовать для полученной по лизингу техники метод ускоренной амортизации с коэффициентом до 3.

Приобретая оборудование по лизингу, предприятие уплачивает его стоимость в размере 6 000 000 руб., в том числе НДС в размере 1 080 000 руб. За время использования техники (амортизации ее балансовой стоимости) предприятие заплатит налог на имущество в размере:

$$\frac{4920000(\text{балансовая стоимость})}{2} \cdot 2,2\%(\text{ставка налога на имущество}) \cdot 5,1(\text{года}) =$$

$$= 552024 \text{ руб.}$$

То есть срок полной амортизации техники сокращается в 3 раза. Применение метода ускоренной амортизации приведет к увеличению амортизационных отчислений и уменьшению налогооблагаемой базы на 1 172 600 руб. в год (за счет налога на прибыль в размере 281 424 руб. в год). Уменьшение налога на прибыль при покупке техники по лизингу за период начисления амортизационных отчислений (5,1 года), дисконтированное к текущему моменту по ставке 18% годовых, составит 1 115 448 руб. Складывая расходы и вычитая суммы уменьшения налогов (приведены в таблице со знаком “–”), получим следующие данные:

Сравнительный анализ экономического эффекта от прямой покупки техники и покупки техники по лизингу (руб.)

Показатель	Значение для прямой покупки	Значение для покупки по лизингу
Стоимость имущества с НДС	6 000 000	6 000 000
НДС	-1 080 000	-1 080 000
Налог на имущество	833 448	552 024
Изменение налога на прибыль	-745 605	-1 115 448
Итого	5 007 843	4 356 576
Итого, удельный вес стоимости имущества без учета налогов в стоимости имущества с НДС	83%	73%

Проведенный сравнительный анализ экономического эффекта от прямой покупки техники и покупки техники по лизингу показывает, что при покупке сельскохозяйственным предприятием техники стоимостью 6 млн руб. (с НДС) предприятием будет получена экономия по налогу на имущество в сумме 281 421 руб., и вычет из налога на прибыль увеличится на 369 843 руб.

Список литературы

1. Свиридов О.Ю. Банковское дело: 100 экзаменационных ответов / О. Ю. Свиридов (издание 3-е, исправленное и дополненное). – Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ»; Феникс, 2010. – 256 с. – (Экспресс-справочник для студентов вузов). ISBN 5-241-00542-0 (Издательский центр «МарТ») ISBN 978-5-222-16321-4 (ООО «Феникс»).

2. Жарковская Е.П. Учебник. Банковское дело (4-е изд.). 2009. – 452 с.

МЕНЕДЖМЕНТ

К.В. Кухтенко, В.В. Терёшина

Исследование отдельных аспектов развития производственных систем

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к изучению развития производственных систем, предлагается исследование элементов с точки зрения двух подходов: системного и динамического. Дается понятие производственной системы и механизма управления как системой в целом, так и производством, на основе этого выводится управление производственной системой.

Ключевые слова. Система, элементы системы, производство, управление, системный подход, динамический подход.

Применение системного подхода к анализу развития производственных систем предполагает исследование следующих аспектов.

1. Развитие целей функционирования за счет пересмотра приоритетов и переориентации в направлении развития, вызванного изменением потребностей и целей вышестоящих уровней.
2. Развитие функций системы как путем их расширения, так и путем совершенствования их исполнения.
3. Развитие технологий за счет внедрения качественно новых видов технологий планирования, управления, контроля, проектирования, производства, научных исследова-

ний, испытаний, измерений и т. д. [1, с. 46]. Отметим, что при анализе и синтезе конкретных систем понятия «функция» и «структура» уточняются в процессе развития, так как между ними не существует жестких связей. Более того, в ходе развития организационных систем между ними неизбежно возникают противоречия, которые разрешаются изменением структуры системы, поскольку функции и цели являются определяющими по отношению к строению системы.

4. Развитие структуры системы за счет совершенствования ее организации, а также отдельно взятых элементов (подсистем), расширения их состава и совершенствования отношений между ними.

5. Развитие системы знаний и моделей представления как об окружающей среде (условиях развития), так и о поведении системы в целом и ее отдельных элементов за счет накопления опыта, знаний и постановки целенаправленных экспериментов по прогнозированию развития ПС.

6. Совершенствование средств поддержки процесса развития за счет привлечения дополнительных ресурсов (инвестиций): финансовых, интеллектуальных, информационных, энергетических, материальных, технических и т. д.

7. Развитие системы за счет совершенствования процессов накопления и реализации ресурсов, в том числе и научно-технического потенциала.

8. Развитие системы за счет совершенствования профессионального уровня интеллектуальных и трудовых кадров путем непрерывного их обучения в области проектирования, производства и управления.

9. Развитие системы за счет совершенствования средств, обеспечивающих коммуникацию с внешней средой, а также с другими функциональными системами, расположенными на верхних уровнях.

Такой подход позволяет в процессе исследования формировать множество переменных состояния, которые могут

быть положены в основу математического описания процесса развития сложных систем. Сказанное относится в равной степени как к сложному объекту управления, так и к его системе управления.

Для полного описания системы нужно знать состояние ее элементов, а также состояние связей между ними. Используя системный подход, представим объект исследования в виде совокупности взаимодействующих подсистем, имеющей «входы» и «выходы». Это позволяет трактовать понятие «производственная система» как систему, использующую ресурсы предприятия на входе для преобразования фактора производства в продукцию или услуги на выходе. Вход представлен средствами и предметами труда, живым трудом или готовой продукцией, полученной из другой производственной системы.

Полная система производственной деятельности предприятия носит название производственной системы, которая, в свою очередь, состоит из двух подсистем – управляющей и управляемой.

Управление системой сводится к обеспечению ее целенаправленного поведения в изменяющихся условиях. Это достигается надлежащей организацией и развитием производства. Отличия производственных систем друг от друга состоят в том, что перед ними поставлены различные задачи. Методы и средства, используемые в организациях, направлены, прежде всего, на максимизацию прибыли. Достижение главной цели реализуется посредством ее функций. Функция, считающаяся частью управляющей подсистемы на одном предприятии, может быть составной частью управляемой подсистемы на другом.

Управление производством предполагает составление и установление календарных планов, расчет и обоснование норм выработки, совершенствование технологии, контроль качества продукции или обработки материалов.

Замкнутый цикл управления представляет собой следующую схему (рис. 1).

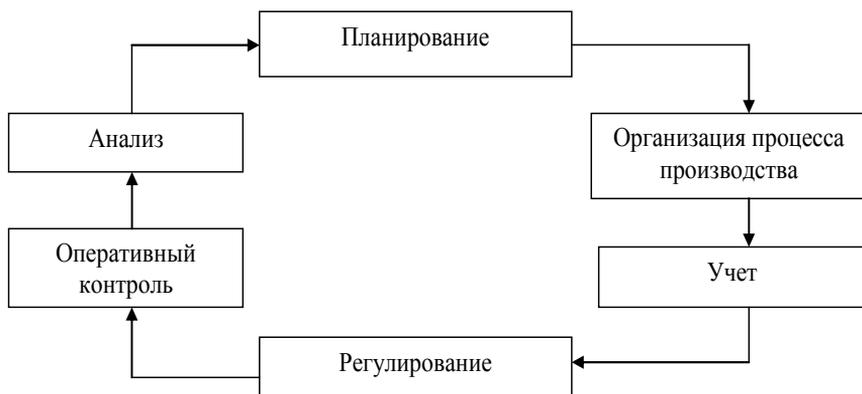

Рис. 1. Замкнутый цикл управления [2, с. 22]

Известно, что планирование представляет собой постановку проблемы, прогнозирование, определение целей, разработку стратегии их выполнения, определение условий и средств достижения цели. Функционирование производственной системы обеспечивается благодаря регулированию, которое включает учет и контроль. В процессе планирования принимаются решения. Потом создаются условия для их выполнения и дальнейшего функционирования. Однако под влиянием внутренних и внешних факторов могут возникать отклонения от намеченных целей. Регулирование направлено на нейтрализацию причин отклонений и обеспечение желаемого хода развития системы.

Чтобы обеспечить функционирование производственной системы, осуществляют сбор, хранение, обработку информации для расчета показателей, характеризующих работы системы, и их анализ [3, с. 62]. Контроль предполагает наблюдение за ходом достижения поставленных целей, проверку выполнения управленческих решений и оценку их последствий [4, с. 19].

Регулирование позволяет выявить проблемы, требующие новых управленческих решений, новых организационных структур [5, с. 71]. Последствия этих решений вновь будут регулироваться, контролироваться.

Управление может сталкиваться с различными проблемами: размещением, планировкой предприятий и рабочих площадей; распределением ресурсов и последовательностью их использования; выбором оборудования, его эксплуатацией, текущим и капитальным ремонтом, заменой; эффективностью использования материальных ресурсов; проектированием технологического процесса и его контролем; методами работы; контролем качества [6, с. 37]. Каждая проблема может быть разбита на элементы, представляющие собой самостоятельные подсистемы процесса управления.

Производственная система может быть представлена также как процесс «затраты – использование ресурсов – выпуск», подчиняющийся критериям планирования, анализа и контроля, который обеспечивается согласованным управлением производством.

Изучение сущности управления производственной системой состоит в выявлении взаимосвязей важнейших функций: организации, планирования, координации, мотивации, контроля [7, с. 90].

Организация – это создание элементов структуры. Существует много элементов, которые необходимо структурировать, чтобы предприятие могло выполнять намеченные планы и тем самым достигать поставленной цели. Одним из этих элементов, как уже было отмечено, является процесс производства.

Исследование отдельных аспектов развития соответствует следующим известным подходам:

– *функционально-эволюционному* подходу, который рассматривает процесс развития систем как процесс развития их функций;

– *структурно-эволюционному* подходу, который связывает процесс развития сложных систем, прежде всего с развитием их структур;

– *технологическо-эволюционному* подходу, который основное внимание уделяет совершенствованию технологий как главному источнику развития некоторых классов систем (производственных, исследовательских и т. д.);

– *ресурсно-целевому и ресурсно-функциональному* подходам, которые концентрируют внимание на формировании ресурсного обеспечения процесса развития целей и функций системы.

Реализации системного подхода бывает более эффективной в сочетании с другими методологическими подходами. С точки зрения динамического подхода процесс управления производством рассматривается как совокупность последовательных действий управленческого персонала по определению целей для объектов управления и оценке их фактического состояния на основе регистрации и обработки соответствующей информации, формирование и утверждение экономически обоснованных производственных программ и оперативных заданий (рис. 2).

Применение динамического подхода предполагает, что развитие разных сторон деятельности производственных систем протекает во времени, причем учет фактора времени является одним из ключевых моментов при решении задач управления развитием и определяет специфику процесса развития ПС.

Рассматривая развитие ПС как объективную экономическую категорию, выделим два класса причин развития ПС: *внутренние и внешние*, определяемые компонентами внутренней и внешней среды (таблица).

Внутренние и внешние факторы развития, отраженные в таблице, тесно взаимосвязаны. Действие внутренних факторов зачастую представляет собой результат действия внешних факторов развития. Такая взаимосвязь подтверждает отме-

Рис. 2. Структурно-логическая схема управления [8, с. 216–223]

ченную выше особенность взаимосвязи процесса развития производственной системы с внешней средой.

Технологии в процессе развития выступают как основные факторы, определяющие направление и эффективность развития систем. Содержание технологической сферы может быть расширено путем включения в нее, наряду со способами производства, управления, обеспечения информацией и т. д., способов выполнения функции как системной категории вне зависимости от ее конкретного содержания. Обобщая это понятие, под технологией следует понимать: *в широком смысле* способ выполнения заданной функции; *в узком смысле* – совокупность рабочих операций, направленную на достижение конечного результата или эффекта. Например, технология изготовления и сборки изделий, обработки информации, контроля, управления, планирования, обучения и т. п.

Факторы развития производственных систем

Внутренние факторы	Внешние факторы
<ul style="list-style-type: none"> – развитие организационных структур; – развитие производственных структур; – развитие кадрового обеспечения с учетом перспектив; – развитие уровня автоматизации технологических, производственных, управленческих функций; – развитие транспортных средств и средств коммуникации; – развитие уровня информационного обеспечения; – развитие материально-технической базы; – развитие систем повышения качества выпускаемой продукции; – развитие методов и систем контроля; – развитие системы оплаты труда (системы морального и материального стимулирования); – развитие социальной сферы; – развитие личности как элемента производственной системы 	<ul style="list-style-type: none"> – развитие рынка исходных ресурсов (параметров исходного сырья, материалов, источников энергии и их видов); – развитие рынка поставщиков (качества оборудования); – развитие рынка готовой продукции (рост номенклатуры и качества продукции, предпочтений потребителей); – развитие рынка труда (уровня профессиональной подготовки специалистов); – развитие научно-технической и научно-технологической сферы; – развитие финансово-экономической системы; – развитие информационной сферы; – развитие политической системы; – развитие экологической сферы; – развитие социально-экономической системы

Вышесказанное позволяет выбрать в качестве *входных координат* развивающейся производственной системы – как объекта управления – *технологии* как вектор, включающий в себя множество способов выполнения заданных функций. Необходимо отметить, что применение определенной технологии предполагает использование адекватной по сложности техники.

Список литературы

1. *Игнатьева А.В.* Исследование систем управления. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
2. *Ковалев В.В., Волкова О.Н.* Анализ хозяйственной деятельности. – М.: ТК Велби, 2002. — 424 с.
3. *Коротков Э.М.* Исследование систем управления: учебник. – М.: Издательско-консалтинговая компания “ДеКа”, 2007.
4. *Мухин В.И.* Исследование систем управления. – М.: Изд. Нац. института бизнеса, 2005.
5. *Рейльян Я.Р.* Основа принятия управленческих решений. – М.: Финансы и статистика, 1989.
6. *Сэмгоэл А. Мэлоу.* Навыки мышления для менеджера. – Ростов-на-Дону: “Феникс”, 2003.
7. *Статические и динамические экспертные системы: учеб.пособие / Э.В. Попов, И.Б. Фоминых, Е.Б. Кисель, М.Д. Шапот.* – М.: Финансы и статистика, 2005.
8. *American Economic Rewiew.* 1988. V. 78. №1.

ФИЛОСОФИЯ

О.И. Матьяш

Социальный конструкционизм в современных социальных науках

Аннотация. Статья представляет социально-конструкционистский подход и его возможности в современных социальных исследованиях. Рассматривается процесс социального конструирования, эпистемологические, методологические, теоретические и практические основания социального конструкционизма.

Ключевые слова. Социальный конструкционизм, социальная реальность, коммуникативное взаимодействие, смысл, контекст.

Известно, что в истории науки, философии и интеллектуальной мысли выделяют различные способы объяснения действительности, различные онтологии (что представляет собой реальность, какова природа тех или иных явлений). Иллюстрацией этого разнообразия может служить следующая «онтологический» анекдот:

Трое бейсбольных судей (ампайров) рассуждают о бейсболе – какие броски питчера следует считать «страйками», а какие «болами» – разными видами штрафных очков.

– Первый судья: «Когда это страйк, а когда бол? Ну, как они есть, так я их и засчитываю».

– Второй, менее уверенный в своей профессиональной непогрешимости: «Страйк это или бол? Как их вижу, так и засчитываю».

– Третий, самый мудрый: «Страйки, болы... – нет ни тех, ни других, покуда я их такими не засчитаю» [9].

В социальных науках, особенно англоязычной традиции, существуют различные типологии онтологических подходов. Традиционно, выстраивая их в некий спектр, на одном конце размещают *реализм* (объективную реальность), на другом – *номинализм* (субъективную реальность) [9, 10, 12].

С позиций реализма реальность – физическая и социальная – трактуется как то, что *есть*, существует вне и независимо от познающего субъекта. Объективная реальность структурирована. Человек способен познавать, как она структурирована, «открывая» ее законы (повторяющиеся причинно-следственные связи). С позиций номинализма социальная действительность – не более чем действительность наименований, понятий, обозначений, т. е. имен, которыми человек определяет некие созданные им самим сущности (свойства, классы, отношения).

Возьмем для примера такое качество, как коммуникативная компетентность.

С позиций реализма она интерпретируется как некое объективное свойство (сущность), которым человек может обладать или не обладать и которое можно объективно измерить по уровням, используя объективные (стандартные) методики. Для реалиста коммуникативная компетентность – факт социальной жизни.

С позиций номинализма коммуникативная компетентность – не более чем социальный ярлык-наименование, используемое для обозначения некоего социального опыта. Понятие коммуникативной компетентности может функционировать в различных социальных ситуациях, с разными целями, но сама по себе коммуникативная компетентность не есть нечно объективно существующее.

Между этими двумя онтологическими полюсами выделяют научно-мировоззренческую позицию *социального конструкционизма* (СК). С позиций СК человеческая реальность не объективна и не субъективна, но объективно-субъективна, или интерсубъективна. Эта реальность не (за)дана нам как таковая, не существует сама по себе, но создается, конструируется людьми (индивидами, группами, сообществами) в процессе социальных взаимодействий, в коллективной деятельности, в практике. Главнейшим инструментом создания социальной реальности является символично-знаковая система, или язык. «Мы создаем наши социальные миры посредством слов и других символов и посредством своих действий (behaviors)» [Leeds-Hurwitz, 1992, в 10 (*перевод.* – О. М.)].

Следует отметить, что поскольку социальные взаимодействия есть, по сути, коммуникативные взаимодействия, постольку именно коммуникация рассматривается в современных социальных науках как основной способ созидания/ конструирования социальной реальности, о чем речь впереди.

С помощью языка/ коммуникации мы конструируем также физические аспекты своей реальности, включая расовость, сексуальность, гендерность, инвалидность, возраст.

Возвращаясь к примеру с коммуникативной компетентностью, подчеркнем, что с позиций СК коммуникативная компетентность – это социальный конструкт. Как это понимать? – В ходе коммуникативных практик разных субъектов в разных ситуациях, включая культурно-исторический опыт, выделяется некий новый смысл-понятие компетентного/некомпетентного коммуникативного поведения.

Включенное в систему функционирующего социального знания это понятие само оказывает влияние на существующие отношения, т.е. выступает уже как «объективный фактор» в субъективной деятельности отдельных индивидов. Так, изучая педагогические дисциплины в вузе, будущий преподаватель усваивает, что мастерство педагога предполагает и та-

кое профессиональное качество, как коммуникативная компетентность, узнает, по каким характеристикам (коммуникативным умениям) это качество можно распознать. Придя на работу в учебное заведение, он на опыте сталкивается с тем, что его профессионализм оценивается по этому параметру (коллегами, администрацией, учениками, родителями). В этом случае знание, включенное в ежедневные профессиональные отношения, может стать стимулом к тому, чтобы человек целенаправленно развивал в себе коммуникативные умения. И напротив, в среде, где этот смысл/знание/понятие (коммуникативной компетентности) не распознается и не признается, педагог вряд ли будет стремиться к развитию коммуникативных умений в своей деятельности.

Из истории социального конструкционизма

Термин *социальное конструирование* пришел в современные социальные науки из социологии. Сами социологи связывают его первое упоминание со статьей американского социолога Lester Ward «Evolution of Social Structures», 1905. Однако активно понятие социального конструирования вошло в научный дискурс значительно позже, к началу 70-х годов прошлого столетия, после выхода в свет книги П. Бергера и Т. Лукмана *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge / Социальное конструирование реальности; Трактат по социологии знания*, 1966/1995. В ней авторы предлагают взглянуть на человеческую реальность не как «объективно существующую», а как создаваемую, конструируемую людьми в ходе повседневных взаимодействий. Авторы рассматривают процессы социального производства знания (типификацию, объективацию, институализацию, легитимацию) и то, как «знание» становится само собой разумеющейся «реальностью» для рядового человека [1]. Книга оказалась знаковой и дала мощный толчок к развитию социально-конструкционистских идей не только в социологии, но и в других научных дисциплинах конца прошлого века.

В эмпирической социологии идеи социального конструирования были активно подхвачены теми, кто занимался анализом символических взаимодействий (*symbolic interactions*), вопросами культурно-исторической обусловленности человеческой деятельности, а также вопросами девиантности (каким образом одни типы поведений в обществе конституируются как нормальные, а другие как девиантные, становясь «социальной проблемой»). Уже к концу 70-х годов идеи и язык социального конструирования получили распространение в социологических исследованиях следующих тем:

- производство медиановостей: как СМИ конструируют социальное знание, как манипулирование СМИ новостными фактами формирует в обществе ту или иную точку зрения, например, на войну во Вьетнаме или политический скандал Уотергейт (см. Altheide, *Creating Reality: How TV News Distort Events*, 1976; Tuchman, *Making News: A Study in the Construction of Reality*, 1978);

- производство научных знаний: как происходит конструирование научных знаний в лаборатории ученых, каким образом исследователь не отстранен, а неизбежно взаимодействует с исследуемой реальностью (Latour & Woolgar, *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*, 1979; Knorr-Cetina, *The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*, 1981);

- теория девиантности и социальных проблем: как конструируется «социальная проблема» (Spector & Kitsuse, *Constructing Social Problems*, 1977).

Вслед за социологией социально-конструкционистские идеи и подходы набирают силу в других областях социально-научного знания, где в это время, как считает Best [2], происходит сдвиг с анализа структур на анализ процессов. СК проникает в политические науки, социальную психологию, клиническую психологию, антропологию, исторические исследования, литературоведение, феминистские и критические исследования, коммуникацию, образование, теорию организации и ме-

неджмент, науко- и техниковедение, и т. д. Социальный психолог Кенет Герген, автор известных работ по социальному конструированию в психологии [6, 7], назвал это концептуально-научное направление социально-конструкционистским движением, или социальным конструкционизмом [5].

Более подробный обзор того, как социально-конструкционистские подходы утверждались и распространялись (теоретически, методологически, эмпирически) в различных областях социальных исследований и как параллельно с этим развивались варианты «вульгарного конструкционизма», можно найти в статье J. Best [2].

Сегодня принято говорить о *конструкционистской мозаике* [8] – СК «принадлежит» всем социальным наукам и одновременно никому. В разных научных дисциплинах утверждают свои варианты конструкционизма, со своими концептуализациями, аналитическими и эмпирическими методами (дискурс-анализ, интерактивный анализ, интервьюирование, анализ текстов, анализ медиапрограмм). Вместе с тем, как считают редакторы обширного междисциплинарного сборника *Handbook of constructionist research* [8], не следует распространять СК подход на все качественные исследования или полностью отождествлять его с символическим интеракционизмом, социальной феноменологией и этнометодологией (хотя это, безусловно, родственные направления, тяготеющие к изучению одного и того же – социального взаимодействия).

Что в целом характерно для СК исследований, что отличает их от альтернативных подходов?

Во-первых, это сфокусированность на исследовательских вопросах *что* (что именно социально конструируется) и *как* (как именно разворачивается, происходит процесс конструирования во времени и в контексте). Исследователей этой ориентации, как правило, менее занимает вопрос «почему», т. е. выяснение причинно-следственных связей, свойственное ученым позитивистской и постпозитивистской ориентации.

Во-вторых, СК исследователи нацелены на изучение *социальных смыслов и значений (meanings)* тех или иных явлений. Их интересует, как именно эти явления и сопутствующие им смыслы-значения формируются в процессе социальных взаимодействий и дискурсивных практик – посредством каких механизмов и способов действий.

Так, в области психологии и социальной психологии предметом исследований стало социальное конструирование идентичности, эмоций, суицида, депрессии, личностных взаимоотношений, памяти и забвения; в социальной психологии и социологии – конструирование преступности, бедности, алкоголизма, девиантности, проблемной семьи, гендерности, пола и сексуальности, болезни, медицинских знаний и здоровья; в области образования – социальная стратификация (одаренные дети, неспособный ребенок, умственно отсталый). В теории организаций анализируется, посредством каких символично-дискурсивных практик конструируется корпоративная культура, иерархии в организациях, организационная идентичность членов организации, успех и провал, карьера и карьерный рост. (Чтобы расширить кросс-дисциплинарное представление о предметах и темах СК исследований, см. *Handbook of Constructionist Research*, 2007.)

В-третьих, СК исследователи имеют дело с изучением разновидностей практик, причем практик, погруженных в условия конкретной действительности. В СК традиции их называют *situated practices* – «местоположенные практики», практики, «помещенные» в те или иные условия и ситуации, «практики-в ситуациях».

В целом исследователь может называть себя социальным конструкционистом, если он раскрывает, «как определенные положения дел, которые, с точки зрения других, являются вечно существующими и не подвластными социальным влияниям и изменениям, оказываются продуктами конкретных социально-исторических процессов и взаимодействий / how certain states of affairs that others take to be eternal or beyond

the reach of social influence are actually products of specific socio-historical and/or social interactional process» [17, с. 14 (*перевод.* – О. М.)]. И еще: СК исследования всегда нацелены на то, чтобы высвечивать подвижность границ социальной реальности и объяснять процессы, посредством которых эта реальность создается и означает, наделяется смыслом [8, с. 3].

За последние 40 лет СК продемонстрировал свою жизнеспособность и эвристический потенциал. Сегодня активное распространение СК подходов в западных социальных науках подтверждается статистически. Best [2] приводит следующие данные. С периода 1970–79 по 1990–99 количество статей, содержащих термин «социальное конструирование», в ведущих научно-социологических журналах однозначно возросло:

American Journal of Sociology – с 25 до 71

American Sociological Review – с 31 до 73

Administrative Science Quarterly – с 9 до 65

Journal for the Scientific Study of Religion – с 11 до 30

Journal of Marriage and the Family – с 4 до 49

Law and Society Review – с 1 до 25

Sociology of Education – с 2 до 27

Social Problems – с 34 до 109

Social Studies of Science – с 8 до 143.

Следует отметить, что в англоязычной социально-научной литературе, наряду с термином **конструкционизм**, активно используется термин **конструктивизм**. Конструктивизм больше принят в традициях естественных наук, в математике или в некоторых психологических школах когнитивной ориентации. Например, есть конструктивистская психотерапия, радикальный конструктивизм, конструктивизм в педагогике, восходящий к идеям Пиаже. Исследователи же социологической ориентации предпочитают термин «конструкционизм», подчеркивая тем самым активную, деятельно-преобразующую роль социального конструирования.

Одна из авторов, Barbara Smith (2006), рассуждающих на тему, насколько можно считать эти два термина взаимозаме-

няемыми, отмечает, что основание для различения все-таки есть. Социальный конструкционизм, по ее мнению, – это система критически-аналитических взглядов на социально-политические процессы познания и научного производства знания. Конструктивизм же – более общая система взглядов на природу познания в целом, безотносительно к конкретным социальным условиям [14].

Вернемся, однако, к концепции Бергера и Лукмана – что именно понимается под социальным конструированием реальности? Концепция авторов опирается на ряд социально-философских учений (Дюркгейма, Вебера, Маркса, Мида) и особенно на феноменологическую социологию А. Шютса. Заинтересованный российский читатель наверняка найдет в концепции Бергера и Лукмана созвучие с идеями отечественных теоретиков деятельностного подхода. Воспроизведем кратко ключевые положения этой концепции:

1. Социальная реальность, общество имеет двойственную природу: по отношению к отдельному индивиду эта реальность «обладает объективной фактичностью», противостоит ему как нечно внешнее, но исторически «создается благодаря деятельности индивидов, имеющих субъективные значения» (здесь и далее цитируется по электронной версии текста без нумерации страниц. – О. М.).

Социальный порядок – это человеческий продукт или, точнее, непрерывное человеческое производство... Социальный порядок не является частью «природы вещей» и не возникает по «законам природы». Он существует лишь как продукт человеческой деятельности. Никакой другой онтологический статус ему нельзя приписать без того, чтобы окончательно не запутать понимание его эмпирических проявлений. И в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, только поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности) – это человеческий продукт.

2. Как происходит социальное конструирование реальности?

Или: «каким образом субъективные значения становятся объективной фактичностью?» – Через процессы социальной объективации (типификации, институализации, легитимации) при непосредственном участии языка. Опыт жизнедеятельности группы или общества объективируется (путем знаковой системы языка) в знании и передается последующему поколению. Для нового поколения этот обозначенный в языке и институализированный в социальных ролях опыт уже предстает как внешний, институализированный, объективированный – и уже определяющий их способы действий и поведения. Таким образом, объективность социальной реальности созданная, и это не то же самое, что объективность физического мира природы.

Важно иметь в виду, что объективность институционального мира – сколь бы тяжелой ни казалась она индивиду – созданная человеком, сконструированная объективность. Процесс, посредством которого экстернализированные продукты человеческой деятельности приобретают характер объективности, называется объективацией. Институциональный мир – как и любой отдельный институт – это объективированная человеческая деятельность. Иначе говоря, несмотря на то что социальный мир отмечен объективностью в человеческом восприятии, тем самым он не приобретает онтологический статус, независимый от человеческой деятельности, в процессе которой он и создается.

3. Человеческому сознанию свойственно реифицировать («овеществлять», наделять статусом вещи) продукты собственной исторической деятельности и тем самым снимать с себя ответственность за социальные изменения, отказываться от активного влияния на происходящее.

Реификация – это восприятие продуктов человеческой деятельности как чего-то совершенно от этого отличного, вроде природных явлений, следствий космических законов или проявлений божественной воли. Реификация означает как то, что человек может забыть о своем авторстве в деле создания че-

ловеческого мира, так и то, что у него нет понимания диалектической связи между человеком-творцом и его творениями. Реифицированный мир, по определению, мир дегуманизированный. Он воспринимается человеком как чуждая фактичность, как *opus alienum*, который ему неподконтролен, а не как *opus proprium* его собственной производительной деятельности.

Обычно реальная взаимосвязь между человеком и его миром перевернута в сознании. Человек-творец мира – воспринимается как его продукт, а человеческая деятельность – как эпифеномен нечеловеческих процессов. Человеческие значения понимаются теперь не как создающие мир, но, напротив, как следствия «природы вещей».

Реификация возможна как в обыденном, так и в теоретическом сознании: вспомним, как десятилетиями догматизировались, наделялись статусом неопровержимой истины идеи марксизма-ленинизма, включая теорию научного коммунизма. В повседневном сознании нам свойственно реифицировать не только концептуальные понятия, превращая их в самостоятельные сущности (эго, суперэго, бессознательное, чакры, меридианы, любовь – «любовь нечаянно нагрянет...»), но и социальные институты и роли (закон, власть, государственная власть – «верхи», элиты, начальство).

Таким же образом, как и институты, могут быть реифицированы и роли. Та часть самосознания, которая была объективирована в роли, воспринимается тогда в качестве неизбежной судьбы, за которую индивид снимает с себя ответственность. Парадигмой такого рода реификации является утверждение: «У меня нет выбора, я должен поступать так в силу своего положения» – мужа, отца, генерала, архиепископа, командира корабля, гангстера или палача – в зависимости от обстоятельств.

Благодаря реификации, институциональный мир начинает сливаться с миром природы. Он становится необходимос-

тью и судьбой и существует в качестве такового счастливо или несчастливо, в зависимости от обстоятельств.

Анализ реификации важен, поскольку служит для постоянной корректировки склонности к реификации как теоретического мышления вообще, так и социологического в частности. Он особенно важен для социологии знания, так как предохраняет ее от сползания к недиалектической взаимосвязи между тем, что люди делают, и тем, что они думают.

Главный вопрос заключается в том, сознает ли еще человек, что каким бы объективированным ни был социальный мир, он создан людьми и может быть ими переделан (подчеркнуто мною. – О. М.).

4. Главным инструментом социального конструирования реальности выступает для человека язык. С помощью языка человек наделяет явления и события социальной жизни смыслами-значениями. С помощью языка он объективирует субъективные переживания, смыслы и значения (свою субъективную реальность), одновременно делая их доступными для восприятия других. С помощью языка общество/культура структурирует для своих членов, как воспринимать и понимать эту реальность.

Язык, используемый в повседневной жизни, постоянно предоставляет мне необходимые объективации и устанавливает порядок, в рамках которого приобретают смысл и значение и эти объективации, и сама повседневная жизнь.

«Я живу в географически определенном месте; я пользуюсь инструментами – от консервного ножа до спортивных автомобилей, – которые указаны в техническом словаре моего общества; я живу в переплетении человеческих взаимосвязей – от моего шахматного клуба до Соединенных Штатов Америки, – которые тоже упорядочены посредством словаря. Таким образом, язык отмечает координаты моей жизни в обществе и наполняет эту жизнь значимыми объектами.

Язык... позволяет мне объективировать огромное множество переживаний на протяжении всей моей жизни. Язык также типизирует мои переживания и опыт, позволяя распределить их по более широким категориям, в терминах которых они приобретают значение не только для меня, но и для других людей... Например, у меня ссора с тещей. Этот конкретный и субъективно уникальный опыт лингвистически типизируется в категорию “неприятности с тещей”. Эта типизация приобретает смысл для меня, для других и, вероятно, для моей тещи. Но эта же самая типизация является анонимной. Не только я, но любой (точнее, любой из категории “зять”) может иметь “неприятности с тещей”. Так что мой биографический опыт теперь классифицирован согласно правилам организации значений и является объективно и субъективно реальным».

Благодаря своей способности выходить за пределы «здесь-сейчас» язык соединяет различные зоны реальности повседневной жизни и интегрирует их в единое смысловое целое.

При той центральной роли, которая отводится в социальном конструировании языку и языковым/коммуникативным взаимодействиям, неудивительно, что СК получил особый импульс к развитию в коммуникативных науках.

Не вдаваясь в подробный обзор того, как представлен СК в современных коммуникативных дисциплинах (что могло бы быть предметом отдельной большой статьи), отмечу главное. СК онтология позволяет далее обосновать тезис, на котором базируется современное понимание коммуникации и который – глубоко убеждена – имеет принципиальное значение для всех социально-гуманитарных дисциплин. Это тезис о конституирующей роли коммуникации. Коммуникация понимается сегодня не только как способ передачи информации (знания), и тем более не как медиум, связывающий «субъективное сознание» с «объективным миром». Коммуникация прежде всего есть способ *со-зидания*, *со-творения* (совместного, коллективного творения людьми) разнообразных социальных миров/реально-

стей. Коммуникация, таким образом, – это способ социального существования. Недаром почти афоризмом стала известная аксиома австрийско-американского психолога-философа Поля Ватцлавика «мы не можем не коммуницировать/ we cannot not communicate» [16]. Все наши действия в социальном мире неизбежно коммуникативны и не могут быть некоммуникативными. В этом смысле коммуникация, деятельность, социальное конструирование, жизнь – термины одного порядка.

Как видим, тезис о социально-конструирующей роли коммуникации – философско-научно-мировоззренческий. Он задает взгляд не только на природу социальной действительности, но и на роль (и ответственность) человека как субъекта созидания этой действительности. Современная теория коммуникации является активным проводником этого мировоззрения.

Как уже отмечалось, хотя исследователи СК ориентации зачастую сами представляют различные интеллектуальные школы и методологии исследования (символический интеракционизм, диалогизм, этнометодология/ этнография науки, теории социально-культурного конструирования реальности, риторический критический анализ, феминистские исследования), общими для них являются следующие онтологически-эпистемологически-методологические позиции [1–17].

- Социальное конструирование – это не философская идея и не модный интеллектуальный тренд; для современных социальных наук это основополагающее понятие и принцип, позволяющие более глубоко и обоснованно отвечать на вечные вопросы, что есть реальность, объективность, истина [14].

- Человек – существо социальное и не может существовать (осуществлять свою жизнедеятельность, познавать окружающий мир, создавать культуру) иначе, как в социальном конструировании своего мира в бесконечных социальных взаимодействиях.

- С позиций СК, сконструированность человеческого мира не означает отрицания объективной реальности фи-

зического мира, т.е. существования физического мира независимо от человеческого сознания и воли. Для СК исследователей очевидно, что сконструированы не сами предметы и явления физического мира, а наши представления и знания о них. Наши представления (социальные конструкты) – лишь часть, срез той бесконечной сложности Универсума, которую мы называем объективной реальностью. Эти представления одновременно естественно-природно и исторически-культурно обусловлены.

Иными словами, конструируемая реальность одновременно и объективна, и субъективна. К примеру, как бы мы ни относились к понятию глобального потепления как сконструированному под интересы отдельных, в том числе «зеленых», сообществ (и, соответственно, можем в это верить или не верить), мы не можем игнорировать изменения климата, регистрируемые в последние десятилетия в разных частях планеты, и связанные с этим изменения в биологических популяциях.

И напротив: мы безошибочно распознаем старость или беременность по их объективным физическим характеристикам, но что это за состояния – что они означают и как к ним относиться? В разных социальных ситуациях, в разных культурах и в разные времена люди отвечают на эти вопросы по-разному и по-разному выстраивают в отношении к ним свои действия.

• Для человека нет непосредственно объективной реальности, его реальность всегда опосредована языком, символами. Человеческая, социальная реальность – это символично-знаково-смысловая реальность, вернее, это множественные реальности, бесконечные по разнообразию рационально-смысловые миры. Эти миры, опять-таки, не даны нам как таковые, но создаются и изменяются в процессе человеческих взаимодействий в дискурсивных (разговорно-языковых) практиках. СК исследователи изучают, как именно это происходит – как создаются те или иные реальности, – анализируя разновидности

ности социальных, в первую очередь дискурсных и диалогических практик. При этом следует помнить, что наука сама является одной из таких практик, она также имеет свой дискурс, с помощью которого создает свою реальность. Достаточно вспомнить, как мы переживаем эту реальность, например, когда чувствуем ее «чуждость», попадая «не на свою» конференцию, – когда оказывается, что тематика, язык и логика звучащих выступлений существенно отличаются от нашего.

- Смыслы социальные, они порождаются, координируются-согласовываются (*negotiated*), утверждаются и изменяются в коммуникативных взаимодействиях.

- Для различения и понимания смыслов необходим контекст. Наше понимание/осмысление мира социально-исторически-культурно-контекстно, относительно (реляционно). Контекст определяет, задает рамки нашему пониманию и способам деятельности.

- Принцип контекстности не следует отождествлять с так называемым вульгарным релятивизмом [14]: все в мире относительно, а потому любые точки зрения на мир состоятельны и имеют право на существование – таким образом релятивизм неизбежно оправдывает вседозволенность. Контекстность, напротив, означает, что описание, понимание и объяснение какого-либо явления неизбежно зависит от выбранной «системы координат», от условий и отношений, в которых это явление рассматривается. Поэтому, прежде чем составлять суждение о явлении (или понятии), необходимо осознавать, в какой системе отношений (или «системе координат») оно функционирует и каковы ограничения этой системы, осознавать что она не универсальна, а «исторически релятивна» [1].

В этом смысле принцип контекстности родствен принцип реляционности (от англ. *relations* – отношения): любые наши представления о реальности (социальные конструкты) содержат в себе в свернутом виде ту или иную систему исторических отношений и должны рассматриваться через при-

зму этих отношений. Естественно, например, что вопросы, которые приобрели сегодня особую политическую остроту – о роли ССС в развязывании Второй мировой войны или о фальсификации истории, – вызывают разное толкование среди разных социальных групп и что позиции сегодняшних государств Балтии, Польши или Украины не совпадают с позициями России.

- В изучении смыслов используется интерпретивистская методология: исследователь «проникает» в позицию субъекта исследования и изучает контекст (систему отношений), в котором осуществляется поведение субъекта.

- Мы как социальные исследователи живем и действуем внутри того, что изучаем, и это предполагает отношение взаимозависимости – не только мы оказываем воздействие на то, что исследуем, но и исследуемое оказывает воздействие на нас. Социальный исследователь должен это четко осознавать.

- СК исследование – это всегда и неизбежно ценностная позиция – нравственно-этическая, критическая, политическая. Так, установка исследователя на то, чтобы обеспечить сложное и многомерное понимание социальной действительности, – это уже нравственно-этическая позиция.

- СК исследователь верит в преобразующую роль человеческой активности и видит свою профессиональную миссию в том, чтобы способствовать изменению мира к лучшему.

Часть этих положений была сформулирована группой ученых на конференции летней школы Национальной коммуникативной ассоциации США “Catching Ourselves in the Act: Collaborative Planning Session to Enrich our Discipline through Social Constructionist Approaches”, 2006. Среди многочисленных (более 50) структурных подразделений этой ассоциации (<http://www.natcom.org>) сегодня функционирует подразделение социального конструкционизма.

Кто-то может спросить, какое отношение СК имеет к методологии педагогического исследования? Мой ответ – прямое.

Во-первых, любой продукт человеческой деятельности, в том числе педагогической и научно-педагогической, можно и эвристически полезно рассматривать через призму СК – как некий социальный конструкт, который, в свою очередь, служит в конструировании той или иной реальности. СК подход, во-первых, эмансипирует – раскрепощает, поскольку позволяет:

- демифологизировать и подвергнуть анализу любые явления социальной действительности, в том числе те, которые нам свойственно мистифицировать, наделять особым статусом или воспринимать как незыблемые (включая такие понятия, как *наука, научная деятельность, научные законы, объективная истина, факт, научный факт*);

- осознавать, что реальность изменяема посредством человеческой активности, деятельности; те, кто хочет ее изменить (в нужном направлении), способны ее изменить;

- признавать и уважать инаковость: понимать, что моя точка зрения и мой образ жизни есть один из вариантов среди многих других, и те могут быть не лучше и не хуже. СК предполагает отношение «понять», а не «судить».

Во вторых, СК подход обогащает любого социального исследователя методологически, напоминая, что:

- знание (а вместе с ним понятие истины, закона и факта) – это социальный продукт, продукт человеческой деятельности. Знание не «открывается», но создается в процессе конкретных социальных взаимодействий в конкретных социально-культурных условиях конкретными средствами [9, 11];

- знание контекстно. Мы придаем ему ту или иную значимость, смысл, значение в зависимости от нашего места в системе социальных отношений. С изменением этого «жизненного места» (будь то место индивида, группы или общества) меняется и наше осмысление-понимание;

- научные сообщества создают научные парадигмы (системы концептуальных оснований), которые, в свою очередь, определяют научную деятельность самих сообществ – опреде-

ляют, что познаваемо и каким образом. Научные парадигмы – социальные конструкты, имеющие свою историю [15];

- теории и научные исследования – тоже способы социального конструирования действительности. Их следует воспринимать не как способы-средства, позволяющие «открывать объективно существующую истину», а как способы, определяющие наше восприятие, осмысление и организацию социальной действительности. (Вспомним, насколько наше понимание собственного Я организовано психологией и философией, их языком и теориями. Мы традиционно говорим о себе в терминах ощущений, восприятий, представлений, чувств, эмоций, состояний; более того, продолжая картезианскую философскую традицию, верим в раздельность внутреннего/психического мира и внешнего/материального.);

- научная деятельность не может быть ценностно-нейтральной. Любой научный подход, научное исследование выстраивается в соответствии с ценностными выборами исследователя, содержит в себе его ценностные приоритеты;

- хорошая научная теория не та, что претендует на полноту и безусловность истины, но та, что эвристична и полезна, открывает нам новые горизонты в понимании мира.

Список литературы

1. *Berger, P.L. and Luckmann, T.* (1966). *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge.* New York: Doubleday / Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: “Медиум”, 1995. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000891/index.shtml>

2. *Best, J.* (2007). *Historical development and defining issues of constructionist inquiry.* In J. Holstein and J. Gubrium (Eds.), *Handbook of constructionist research* (pp. 41–65). – New York: Guilford Press.

3. *Foster, E. and Bochner, A.* (2007). *Social constructionist perspectives in communication research.* In J. Holstein and J. Gubrium (Eds.),

Handbook of constructionist research (pp. 85–106). – New York: Guilford Press.

4. *Cronen, V. E.* (1995). Practical theory and the tasks ahead for social approaches to communication. In W. Leeds-Hurwitz (Ed.), *Social approaches to communication* (pp. 217–242). – New York: Guilford Press.

5. *Gergen, K.* (1985). The Social Constructionist Movement in Modern Psychology. *American Psychologist*, 40, 266–275.

6. *Gergen, K. J.* (1994). *Realities and Relationships: Soundings in Social Construction*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

7. *Gergen, K. J.* (2001). *Social Construction in Context*. – London: Sage Publications.

8. *Gubrium, J. and Holstein, J.* (2007). The constructionist mosaic. In J. Holstein and J. Gubrium (Eds.), *Handbook of constructionist research* (pp. 3–12). – New York: Guilford Press.

9. *Littlejohn, S.* (2002). *Theories of human communication*. Albuquerque, NM: Wadsworth.

10. *Miller, K.* (2005). *Communication theories: perspectives, processes, and contexts*. Boston: McGraw Hill.

11. *O'Brien, J.* (Ed.). (2006). *The production of reality: Essays and readings on social interaction*. Thousand Oaks: Pine Forge Press.

12. *Phillips, D. C.* (1992). *The social scientist's bestuary: A guide to fabled threats to, and defences of, naturalistic social science*. Oxford, UK: Pergamon.

13. *Pfohl, S.* (2007). The reality of social constructions. In J. Holstein and J. Gubrium (Eds.), *Handbook of constructionist research* (pp. 645–668). New York: Guilford Press.

14. *Restivo, S. and Croissant, J.* (2007). Social constructionism in science and technology studies. In J. Holstein and J. Gubrium (Eds.), *Handbook of constructionist research* (pp. 213–230). – New York: Guilford Press.

15. *Стёпин В.С.* Конструктивные основания научной картины мира // Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2008.

16. *Watzlawick, P., Beavin, J., & Jackson, D.* (1967). *Pragmatics of human communication: A study of interactional patterns, pathologies, and paradoxes*. New York: Norton.

17. *Weinberg, D.* (2007). The philosophical foundations of constructionist research. In J. Holstein and J. Gubrium (Eds.), *Handbook of constructionist research* (pp. 13–40). – New York: Guilford Press.

ПОЛИТОЛОГИЯ

А.А. Козодубов

Военная деятельность в районе Новой Земли

Аннотация. В последние годы существенно активизировался интерес к Арктическому региону, что нашло отражение в «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», утвержденной Президентом Российской Федерации.

И во времена Советского Союза этому региону уделялось серьезное внимание, однако в силу «закрытости» государства и общества информация об этом была недоступна.

Ключевые слова. Арктика, Арктический регион; Новая Земля, испытание ядерного оружия; национальная безопасность.

В соответствии с действующей Конституцией Российской Федерации ядерная энергетика, оборона и безопасность, а также оборонное производство отнесены к ведению Российской Федерации [1, статья 71].

В 2008 г. Президентом Российской Федерации были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» [2], где национальными интересами Российской Федерации в Арктике определены:

– использование Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы Российской

Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны;

- использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации Российской Федерации в Арктике и проч.

Одной из главных целей государственной политики Российской Федерации в сфере военной безопасности, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации, пролегающей в Арктической зоне Российской Федерации, является обеспечение благоприятного оперативного режима в Арктической зоне Российской Федерации, включая поддержание необходимого боевого потенциала группировок войск (сил) общего назначения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в этом регионе.

Заметим, что под Арктической зоной Российской Федерации в рамках данного документа понимается часть Арктики, в которую входят полностью или частично территории Республики Саха (Якутия), Мурманской и Архангельской областей, Красноярского края, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов.

Для понимания возобновившегося интереса к Арктике видится целесообразным обратиться к новейшей истории.

Военная деятельность Советского Союза (СССР) в Арктическом регионе началась в 50-е годы XX века по следующим направлениям:

- испытание ядерного оружия;
- использование в качестве мест дислокации и боевого патрулирования атомных подводных лодок (АПЛ) военно-морского флота (ВМФ);
- охрана государственной границы.

Использование Арктики для военных целей уникально: маршрут через Северный полюс является кратчайшим путем от США до России (идеальным для стратегических бомбардировщиков и баллистических ракет). В Арктике находятся

компоненты системы предупреждения о ракетном нападении России и США, а также ракеты-перехватчики США (Аляска) и России. АПЛ под покровом льда могут скрытно нанести ракетно-ядерный удар.

Одним из «центров концентрации» военной деятельности в Арктическом регионе были выбраны острова архипелага Новая Земля. Архипелаг состоит из двух больших островов – Северного и Южного, разделенных узким проливом (2–3 км) Маточкин Шар и множеством малых островов. Протяженность с юго-запада на северо-восток – 925 км. Площадь всех островов более 83 тыс. км² [8].

В соответствии с законом Архангельской области от 23.09.2009г. №65-5-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Архангельской области» Новая Земля – один из районов Архангельской области [3, ст. 15]. Несмотря на то что Новая Земля – острова, данный закон к островным территориям относит только Землю Франца-Иосифа и остров Виктория (см. п 8 ст. 15 «Островной территорией является административно-территориальная единица Архангельской области, расположенная на островах Северного Ледовитого океана и не имеющая населенных пунктов (здесь и далее курсив мой. – А. К.)). Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 года население Новой Земли составляет 2429 человек и сосредоточено только в двух населенных пунктах – Белушья Губа и Рогачёво.

В соответствии с Законом Архангельской области от 23.09.2004 г. № 258-внеоч.-ОЗ «О статусе и границах территорий муниципальных образований в Архангельской области» Новая Земля наделена статусом городского округа [4, ст. 1].

Принципы наделения муниципальных образований соответствующим статусом (отнесению к определенному виду муниципальных образований) закреплены в Федеральном законе 2003 г. № 131-ФЗ, в соответствии с которыми «наделение городского поселения статусом городского округа осуществля-

ется законом субъекта Российской Федерации при наличии сложившейся социальной, транспортной и иной инфраструктуры....» [5, статья 11]. Новая Земля этим критериям не соответствует, однако эта территория имеет статус ЗАТО (закрытого административно-территориального образования) [8]. В соответствии со статьей 80 Федерального закона 2003 г. № 131-ФЗ закрытые административно-территориальные образования являются городскими округами [5, статья 80]. Такие же требования содержатся в Законе Российской Федерации от 14.07.1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» [6, статья 1].

1 июля 1954 г. вышло закрытое постановление Совета Министров СССР № 1559-699 об оборудовании на архипелаге Новая Земля (территория в составе Архангельской области) «Объекта – 700». Северный (Новоземельский) полигон был создан 17 сентября 1954 г. для выполнения комплекса работ по подготовке и проведению испытаний ядерного оружия и подчинен Министерству обороны СССР (6-е управление ВМФ). Коренное население (ненцы) было полностью выселено с островов. С 1992 г. он имеет статус Центрального полигона Российской Федерации. 27 февраля 1992 г. Президент Российской Федерации подписал Указ № 194 «О полигоне на Новой Земле».

С 1955 г. на полигоне проводились атмосферные, наземные, подводные и подземные испытания. Здесь также отрабатывалось термоядерное оружие – водородная бомба. Полигон включает в себя три площадки: Чёрная Губа – использовалась в основном в 1955–1962 годах; Маточкин Шар – подземные испытания в 1964–1990 годах; Д-II Северного испытательного полигона Новая Земля (СИПНЗ) на полуострове Сухой Нос – наземные испытания в 1957–1962 годах. Кроме этого, взрывы производились и в других точках (официальная территория полигона занимала свыше половины всей площади острова).

С 21 сентября 1955 г. по 24 октября 1990 г. (до объявления действующего моратория) на полигоне было проведено 132 ядерных взрыва: 87 атмосферных (в том числе 84 воздушных), 1 наземный (7 сентября 1957 г.), 2 надводных (27 октября 1961 г. и 22 августа 1962 г.), 3 подводных (21 сентября 1955 г., 10 сентября 1957, 23 сентября 1961 г.) и 42 подземных. На СИПНЗ полигоне прошло и самое мощное в мире испытание водородной бомбы мощностью 100 Мт. Последний взрыв прогремел на Новой Земле 24 октября 1990 года [9].

В 50-х годах XX века началось создание атомного подводного флота Советского Союза (СССР). Атомные подводные лодки (АПЛ) могут дислоцироваться только на Севере и Дальнем Востоке СССР. В сентябре 1952 г. было принято постановление Совета Министров о проектировании и строительстве первой подводной лодки с ядерной энергетической установкой (ЯЭУ), которая была принята в состав Военно-морского флота (ВМФ) летом 1958 года. Заметим, что в Соединенных штатах Америки (США) первая АПЛ, получившая название «Nautilus SSN-571», вошла в состав Военно-морских сил в сентябре 1954 г., таким образом, создание атомного подводного флота СССР явилось «ответной мерой» периода «холодной войны» [10, с. 202].

К середине 90-х годов XX века в нашей стране было построено более 200 АПЛ, 5 надводных кораблей с ЯЭУ, для обслуживания которых была создана мощная инфраструктура: судостроительные и судоремонтные заводы; военно-морские базы, научно-исследовательские институты и проч.

Актуальность использования атомного флота России в настоящее время закреплена в Указе Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»: «Главной задачей укрепления национальной обороны в среднесрочной перспективе является переход к качественно новому облику Вооруженных Сил Российской Федерации

с сохранением потенциала стратегических ядерных сил за счет совершенствования организационно-штатной структуры» [7].

АПЛ в течение более 50 лет надежно защищали и защищают рубежи нашей родины. Опыт использования АПЛ выявил множество проблем, основными из которых явились:

- высокая аварийность техники;
- проблемы обращения с радиоактивными отходами (РАО) АПЛ;
- повышенная шумность оборудования (влияет на скрытность плавания) и проч.

«Из шести покоящихся на дне Океана атомных кораблей четыре составляют <...> «советскую» долю. В 1970-м у нас погибла «К-8», а в 1986 году, после трагедии на «К-219», мы уже сравнялись с американцами по числу потерь. Апофеозом подводных катастроф стала гибель в 1989 году уникальной глубоководной подводной лодки «К-278», более известной как «Комсомолец» [11, с. 78–79]. Гибель АПЛ «Курск» в августе 2000 года в очередной раз показала, что проблемы ВМФ необходимо решать в комплексе. Помимо того, что АПЛ последнего поколения оказалась конструктивно разрушена в считанные секунды, выяснилось, что в России практически отсутствует современная база спасения кораблей и эффективные средства судоподъема с океанских глубин.

В районе Новой Земли затоплены контейнера с РАО, 15 аварийных реакторов с АПЛ и ледокола «Ленин», в т.ч. с невыгруженным ядерным топливом.

По информации МАГАТЭ суммарная активность отходов, сброшенных в море до последнего разрешенного сброса в 1982 году, оценивалась в 63 пэтабеккереля (ПБк) или 1,7 МКи [12, с. 52].

В 90-е годы XX века изменился подход руководства нашего государства к национальной безопасности. Было принято решение об утилизации АПЛ, однако средств в бюджете для этих целей не было. Помощь была оказана рядом зарубеж-

ных государств. Начало было положено «Законом о совместном уменьшении угрозы» США (11 октября 1993 г.), которым была утверждена Программа совместного уменьшения угрозы (CTR), более известная как Программа Нанна – Лугара (инициаторы – сенаторы демократ Сэм Нанн и республиканец Ричард Лугар) [13].

В начале работ по утилизации АПЛ российская сторона столкнулась с серьезной проблемой – судоремонтные заводы, способные выполнить эту задачу, оказались не в состоянии утилизировать необходимое количество АПЛ из-за изношенности оборудования и отсутствия современных технологий. В рамках CTR российской стороне было поставлено различное оборудование для этих целей: краны с магнитными подъемными устройствами, режущий инструмент, экскаваторы с ножами для демонтажа, гильотинные прессы, резаки для канатов, обработки металлического лома. В результате этого только на СРЗ «Нерпа» (Мурманская область) стало возможным утилизировать по 10–15 АПЛ в год.

Программа «Военное сотрудничество в Арктике по вопросам охраны окружающей среды» (АМЕС) была принята 26 сентября 1996 года министрами иностранных дел США, Норвегии и России с целью создания основы для решения экологических проблем Арктики, вызванных военной деятельностью [14]. Приоритетным направлением АМЕС стало решение вопросов экологической безопасности, не вошедших в Программу совместного уменьшения угрозы CTR. Сотрудничество началось в составе Международной промышленной группы, созданной в 1997 году для решения вопросов приведения в безопасное состояние хранилищ радиоактивных отходов в России. В свое время были налажены контакты с другими зарубежными партнерами для решения аналогичных задач (Германия, Япония и другие).

К 2010 году утилизация выведенных из боевого состава АПЛ завершена, однако возможны аналогичные проблемы при выводе ныне действующих АПЛ.

В 2013 году руководство судостроительного предприятия «Звездочка» (г. Северодвинск) обозначило готовность подъема и утилизации затопленного в районе Новой Земли радиоактивного оборудования.

Негативное воздействие от военной деятельности в Арктическом регионе должно быть сведено к минимуму, для чего необходимо реализовать мероприятия, указанные в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», утвержденных Президентом Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. 2009. 21 января.

2. «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» утверждены Президентом Российской Федерации 18.09.2008 № Пр-1969. Документ опубликован не был. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

3. Закон Архангельской области от 23.09.2009 г. № 65-5-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Архангельской области» // Волна. 2009. 6 октября.

4. Закон Архангельской области от 23.09.2004 г. № 258-внеоч-ОЗ «О статусе и границах территорий муниципальных образований в Архангельской области» // Волна. 2004. 8 октября.

5. Федеральный закон от 6.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

6. Закон Российской Федерации от 14.07.1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» // Российская газета. 1992. 26 августа.

7. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.

8. <http://ru.wikipedia.org/wiki>. Режим доступа 23 декабря 2013 г.

9. *Мартынов В.Л.* «Новая Земля – военная земля» // География. 2009. № 11.

10. *Кузнецов В.М.* Становление атомного комплекса Российской Федерации. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2006.

11. *Мормуль Н.* Катастрофы под водой. Ядерный погреб СССР. – Мурманск: Бенефис-О, 1999.

12. *Калме Домоник П.* Удаление радиоактивных отходов в море: доклад о состоянии дел // Бюллетень МАГАТЭ. 1989. Т. 31. № 4.

13. FY 94 National Defense Authorization Act. Public Law 103–106.

14. Environmental Protection Agency. Note to the author. June 20, 1998.

ИСТОРИЯ

Е.В. Лалетин

Военные столкновения на Дальнем Востоке между Россией и Китаем в начале XX века

Аннотация. В статье исследуются вопросы борьбы между крупнейшими державами за территорию Дальнего Востока и Китая в конце XIX – начале XX в. Рассматриваются причины столкновения экономических интересов западных стран в лице Франции и Англии, Японии совместно с США и России. Политика Российской Империи в азиатско-тихоокеанском регионе была направлена в первую очередь на обеспечение безопасности своих дальневосточных границ, укрепление позиций в Юго-Восточной Азии с целью освоения новых рынков сбыта. Представлены мирные договоры конца XIX века, способствующие развитию мирных отношений между Россией и Китаем. Русско-китайская война 1900–1901 гг. стала прологом дальнейшего обострения международных противоречий в АТР и явилась важной вехой в освоении приамурских земель. Была проведена черта между прошлым и будущем в освоении края и подтверждена целесообразность решения о создании Амурского казачества, которое выступило гарантом в сохранении и защите дальневосточных рубежей империи, подтвердив тем самым де-факто ее право на приобретенные территории согласно последним договорам.

Ключевые слова.

Тихоокеанский регион, казачество, экспансивная внешняя политика, Россия, цинский Китай.

В конце XIX – начале XX в. объектом борьбы между крупнейшими державами становится территория Дальнего Востока и особенно Китай. Стремление России к проникновению на новые рынки сбыта сталкивалось с интересами как западных стран в лице Франции и Англии, так и Японии совместно с США. Еще ранее в одной из статей «Раздел Китая и армянский вопрос» в газете «Новости» утверждалось, что «Россия, Франция и Англия... имеют несравненно более прав, чем Япония...» [1, с. 117]. Экспансия Российской Империи в азиатско-тихоокеанском регионе была закономерным продолжением решения восточного вопроса и была направлена в первую очередь на обеспечение безопасности своих дальневосточных границ, укрепления позиций в Юго-Восточной Азии с целью освоения новых рынков сбыта. В целях безопасности территориального вмешательства со стороны Японии Российская империя и цинский Китай заключили «Московский русско-китайский договор» от 22 мая 1886 г., где в ст. 1 отмечалось:

«Всякое нападение Японии как на русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи будет рассматриваться как повод к немедленному применению настоящего договора.

В этом случае обе высокие договаривающиеся стороны обязуются поддерживать друг друга сухопутными и морскими силами, какими они будут располагать в этот момент, и, елико возможно, помогать друг другу в снабжении их обоюдных сил» [2, с. 105].

Еще ранее усилия внешней политики Российской империи в конце XIX в. были направлены на оказание политического влияния на страны Юго-Восточной Азии. Преследовались

цели по обеспечению безопасности дальневосточных рубежей и освоению новых рынков сбыта.

На международной арене произошли изменения в расстановке сил в конце 1858 г. не в пользу Российской империи. В начавшуюся войну между Россией и Турцией вступили западные державы. В результате этого возникла прямая угроза нападения англо-французской эскадры на тихоокеанское побережье России.

В 1854 г. «амурский вопрос» обсуждается в Особом комитете и признается необходимость принятия срочных мер.

Появление в 1854–1855 гг. в Охотском море военно-морского флота западных держав и попытки захвата Камчатки реально создали угрозу и вновь подняли вопрос о занятии устья Амура русскими войсками и срочной переброске войск в неразграниченные с цинской империей территории. Начались переговоры с Китаем об урегулировании территориальных вопросов, вылившиеся в подписание Айгунского (1858) мирного договора, где в ст. 1 закреплялось: «Левый берег Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья реки Амура, да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению до реки Усури – владением Дайцинского государства; от реки Усури, далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне, да будут в общем владении Дайцинского и Российского государства» [2, с. 54].

Позже договор был дополнен подписанием Тяньцзиньского (1858) и Пекинского (1860) мирных договоров, в результате которых было достигнуто соглашение, способствующее развитию мирных отношений между двумя государствами. Воссоединение дальневосточного края с Россией стало основным событием внешней политики в XIX веке. Таким образом, «Амурский вопрос» был решен. Восстановлен суверенитет России на Дальнем Востоке и закреплены огромные террито-

рии, которые начали осваивать еще русские землепроходцы в XVII веке.

Между тем оставались спорные территориальные вопросы, которые сразу не удалось решить. Согласно Пекинскому договору в Приморском крае в районе реки Сучан и Зазейском районе близ Благовещенска (зазейский клин) проживали китайские подданные, которые доставляли много хлопот и неприятностей. Манзовские события (1868) и русско-китайская война 1900–1901 гг. наглядно показали всю проблематичность до конца нерешенных территориальных разногласий.

В 1882 г. возник Савеловский вопрос, когда начальник Новгородско-Уссурийской поставой команды полковник Савёлов расположил «деревню своего имени» из корейских переселенцев на китайской территории [3, с. 47]. Местные власти Гиринской провинции, не желавшие мириться с суверенитетом России на данной территории, выказали претензии на часть российского побережья в районе залива Посьет.

Этот участок границы между озером Ханка и р. Туманган имел немало проблем из-за несовершенства обозначения приграничной разметки, а также стихийного освоения земель. Часть пограничных столбов была утрачена, а их местоположение неоднократно уточнялось и пересматривалось. На эти действия Китай подталкивала Британская империя, желавшая лишить Россию границы с Кореей, что предотвращало возможность установления над ней российского протектората, введения туда войск и постройки в прибрежных водах незамерзающих портов.

Кроме того, война привела бы к ослаблению России и Китая и способствовала бы активному развитию английской торговли, колониальному захвату новых территорий, а также созданию английских военно-морских баз в АТР. Пока Россия вела активные переговоры с Китаем о совместной проверке проблемного участка границы и усилении войск, англичане действовали весьма решительно по проведению операции занятия

«Порта Гамильтона» – ряд группы островов, образывавших прекрасную закрытую бухту у южного побережья Корейского полуострова недалеко от входа в Цусимский пролив.

В этот период усилились российско-английские разногласия по вопросу о зонах влияния в Афганистане. 14 апреля 1885 г. адмиралу У. Доуэллу (W. Dowell) был отдан приказ занять «Порт Гамильтон» и подготовить возможный удар по Владивостоку. Шли переговоры на дипломатическом уровне, и напряжение достигло наивысшего предела.

Великим державам удалось договориться о мирном исходе дела. В 1885 г. был подписан окончательный протокол по разграничению русской и английской сфер влияния в Афганистане, снявшее напряжение в бассейне АТР.

Русская внешняя политика после смерти Александра III сразу же попала под пристальное внимание германского императора Вильгельма II, который решил обратить на пользу Германии дальневосточные интересы России и втянуть ее в войну с Японией и Китаем. В результате восстания «боксеров» (1898–1901) против иностранного вмешательства на территории Китая обостряются отношения России и цинского Китая.

Причины возникновения массовой ненависти китайцев в отношении европейцев были в основном экономическими. Дело в том, что в последние годы XIX в. иностранные компании занялись постройкой в Китае железных дорог, проведением телеграфных линий, разработкой месторождений полезных ископаемых. Наиболее активно этим занимались граждане России, Британии, Франции – соответственно в северной, средней, южной частях Китая. Это строительство на территории России и Маньчжурии открывало новую страницу в развитии экономики, культуры и общественной жизни на востоке страны и выходило за рамки ее внутренней политики [4].

Тем не менее деятельность иностранцев в Китае сильно отразилась на экономических интересах коренного населе-

ния страны. Из-за постройки железных дорог лишались доходов китайские лодочники и пешие носильщики, занимавшиеся доставкой грузов на большие расстояния. Телеграфные линии лишали заработка многочисленных гонцов-бегунов. Создание иностранцами промышленных рудников оставляло не у дел кустарное производство китайцев. Кроме того, ненависть многих китайцев к иностранцам проистекала из-за миссионерской деятельности проповедников христианства, которую китайцы считали для себя оскорбительной (хотя некоторые переходили в христианство).

Первые акции «боксеров» были проведены в 1898 г. при строительстве российской Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). «Боксеры» нападали на русских инженеров и рабочих. В это же время начались нападения на христианских миссионеров. Деятельность сект «кулака» и «ножа» резко активизировалась с декабря 1899 года. В январе 1900 г. начались массовые убийства европейцев, американцев, японцев, а также китайцев-христиан. «Боксеры» уничтожали железнодорожные станции, мастерские и мосты, учреждения и жилища иностранцев.

Русско-китайская война, начавшаяся в столичной провинции Китая – Чжили, через месяц достигла русской границы. Боевые действия не только затронули территорию России, но именно в Амурской области, в районе Благовещенска, оказались наиболее ожесточенными и продолжительными.

Ожесточенность конфликта явилась проявлением возникших еще в XVII веке противоречий интересов России и Китая в Приамурье. Обе стороны понимали, что от исхода борьбы за Амур, единственной транспортной артерии, соединяющей восточные регионы с центром России, во многом зависит дальнейшее развитие русско-китайских отношений. Инициатива в развитии событий на Амуре исходила не от Петербурга и Пекина, а была в руках местных властей Благовещенска и Айгуна, Хабаровска и Цицикара.

Амурское казачье войско к 1900 г. занимало прибрежную полосу Амура от границы с Забайкальем до Хабаровска, войсковое население составляло около 24000 человек, из них до 12 тысяч мужского пола. Казаков служивых возрастов (от 21 до 38 лет) насчитывалось до 2400 человек; способных держать оружие (приготовительный разряд, ополчение, отставные) около 2500.

По своему расположению и военному предназначению Амурское казачье войско со времени мобилизации было непосредственно вовлечено в события 1900–1901 гг., надолго определившие его организационно-хозяйственное развитие и несение службы. С 1879 года войско имело единственное кадровое подразделение, в котором проходило службу казачье население области – Амурский конный казачий полк. Амурский казачий полк в мирное время комплектовался тремя сотнями, причем третья являлась базой для формирования Амурского казачьего дивизиона. В военное время полк доукомплектовывался четырьмя льготными сотнями до шестисотенного состава, а дивизион до трех сотен.

Уже в мае 1900 г. казачье население ждало известий о мобилизации, так как телеграммы с театра военных действий в Юго-Восточном Китае приносили новости о расширении зоны выступлений повстанцев и правительственных войск против коалиции европейских держав.

12(24) июня 1900 г. была объявлена мобилизация войск Приамурского военного округа. В Амурской области она проходила под руководством военного губернатора и наказного атамана Амурского казачьего войска генерал-майора К.Н. Грибского. Амурский казачий полк через 24 часа имел готовыми к походу 1-ю и 2-ю сотни. 20 и 21 июня 1900 г. были укомплектованы и снаряжены 3-я и 4-я сотни, 23-го – 5-я сотня. 6-я сотня отобилизовывалась в станице Игнашиной и вследствие отдаленности была готова к походу 7 июля.

Одновременно в станице Екатерино-Никольской Амурский казачий дивизион был развернут до трехсотенного состава. В девять сотен Амурского полка и дивизиона было мо-

билизовано 1376 человек трех очередей, включая численность трех сотен мирного времени. 2464 казака участвовали в охране границы на территории Амурской области. Фактически в ходе русско-китайской войны в той или иной степени было задействовано около 80% мужского населения войска, способного держать в руках оружие.

29 июня 1900 г. 1-я и 2-я сотни Амурского казачьего полка были направлены на пароходах в Хабаровск в состав Харбинского отряда генерал-майора В.В. Сахарова. До этого времени положение в приграничье было относительно стабильным и управление войск Амурской области не предполагало вероятности конфликта с сопредельной стороной, хотя военные приготовления китайцев в районе Айгун – Сахалян (соответственно современные города Айгуньсян и Хэйхэ) вызывали определенную настороженность.

С уходом в Хабаровск первоочередных казачьих сотен, 4-го Восточносибирского батальона и 1-й батареи гарнизон Благовещенска был значительно ослаблен. В городе остались: 2-й Восточносибирский батальон, запасный батальон, три сотни Амурского казачьего полка, местная команда, 2-я батарея Восточносибирской артиллерийской бригады. При этом в запасном батальоне были вооружены только 1-я и 2-я роты, в артиллерийской батарее насчитывалось ограниченное количество снарядов.

Военные действия на Амуре начались 1(13) июля 1900 г. провокационным нападением китайцев на русские суда «Михаил» и «Селенга». Необоснованное нападение на пароходы показало, что война приблизилась непосредственно к нашей границе, причем провинциальные власти Срединной империи и правительственные войска действуют заодно с ихэтуанями («боксе-рами»).

Правда, позднее, по словам вернувшихся на Амур китайцев, возникла версия, что инициатива нападения принадлежала вожаку повстанцев Юань-Женю (убитому в середине июля

пашковскими казаками) при попустительстве айгунского амбана, получившего приказ из Цицикара закрыть русским проход по Амуру.

Как бы то ни было, факт нападения дал понять военному губернатору Амурской области генерал-майору К.Н. Грибскому, что территория области уязвима в военном отношении и необходимо предпринимать меры по защите границы. Тревогу вызывал и тот факт, что маньчжурским населением (численность около 25000 человек) в конце июня – начале июля была покинута территория Зазейского района, расположенного юго-восточнее Благовещенска на протяжении почти 100 верст по Амуру. На опустевшей территории скрывались группы вооруженных маньчжур.

Население «Маньчжурского клина», оставшееся, согласно Айгунскому договору, в подданстве Цинской империи, издавна доставляло немало хлопот областным властям. Через Зазейский район нелегально проникали китайские отходники, золотоискатели, хунхузы. На его территории процветало опиекурение, контрабанда ханшина. Попытки изъять преступников или провести какие-либо полицейские меры вызывали ожесточенное сопротивление маньчжур, которые являлись военным сословием (знаменными воинами) и были поселены на Амуре в XVII веке в целях противодействия русской колонизации.

К началу военных действий маньчжурское мужское население от 16 до 40 лет было мобилизовано в китайскую армию, а к 4 июля территория была покинута почти всеми жителями, переправившимися в район Айгуна. Гарнизон г. Благовещенска фактически не имел артиллерии, винтовок для мобилизованных и боеприпасов. Территория Зазейского района была наиболее слабым местом в линии российской границы, и отправка в Хабаровск большей части гарнизона показывает, что приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков (1843–1913), направляя войска в район Харбина, рассчитывал на стабильное

положение в районе Благовещенска – Айгуна. Однако именно в Зазейском районе развернулись военные действия, ставшие прологом маньчжурского похода казачьего отряда под руководством П.К. Ренненкампа.

Вечером 1 июля по приказу военного губернатора по берегу Амура был двинут отряд для ответных действий против Айгуна. В его состав вошли: сотня Амурского казачьего полка под командованием полковника И.Н. Печенкина, рота пехоты, полубатарей. Рота пехоты с полубатареей были направлены под Айгун на пароходе и барже.

В Благовещенске остались три взвода линейцев (150 чел.), 2 роты запасного батальона, 2 орудия, сотня Нерчинского казачьего полка и полусотня 4-й сотни Амурского.

Вскоре прибыл казак к губернатору с известием об обстреле Благовещенска и начавшейся панике в городе. Грибский распорядился о возвращении отряда, оставив для укрепления поста 25 казаков с хорунжим Р.А. Вертопраховым. Две сотни казаков были направлены в Зазейский район для наблюдения за маньчжурами.

Возвратившись в Благовещенск, военный губернатор застал там атмосферу близкую к панике: часть жителей бежала по направлению к деревне Астрахановке; другие начали разбивать оружейные магазины, готовясь к самообороне. Слухи о том, что готовится высадка китайцев в городе и начнется резня русских, распространялись китайскими рабочими-отходниками, которых насчитывалось до 4000 человек. Среди них было достаточно много агентов повстанцев и деклассированных элементов, готовых к действию по сигналу с китайского берега.

В наэлектризованной опасностью вторжения обстановке не исключена была возможность погрома китайцев возбужденной частью русского населения. К.Н. Грибский распорядился об организации добровольных дружин из городского населения, на набережной Амура начали рыть окопы, артил-

лерия была выдвинута на позиции и начала обстрел селения Сахалян, расположенного напротив Благовещенска.

Городская полиция своими силами собирала по городу и окрестностям китайцев и размещала их на лесопильном заводе вблизи реки Зеи.

Неожиданный массированный обстрел Благовещенска оправдал худшие опасения значительной части горожан, ожидавших вторжения на российскую сторону одновременно с возможным выступлением китайцев внутри города. Обстановка стала накаленной, участились случаи насилия над китайскими подданными и их убийств.

По устному указанию военного губернатора полиции было предложено выдворить китайско-маньчжурское население с территории области. 4 июля 1900 г. выше Благовещенска, вблизи казачьего поселения Верхне-Благовещенского началась переправа собранных в городе китайцев и маньчжур (около 1500 человек). Переправа проходила под охраной запасных солдат, вооруженных топорами, и под наблюдением полиции, в помощь которой были приданы несколько десятков местных казаков. Она была намечена в одном из самых узких мест реки, при низкой воде, и должна была носить характер простого удаления опасного элемента с российской территории.

Тем не менее в ходе реализации этого важного в военном отношении тактического плана полицейская задача осложнилась вследствие растущей озлобленности обеих сторон и начавшегося обстрела с китайского берега. Лодок для переправы не было, так как большая часть их была уведена в Зейский затон, и конвойные погнали толпу вплавь. Многие из китайцев плавать не умели, значительная часть просто боялась возвращения на свою сторону, опасаясь мести повстанцев. Толпа на переправе сопротивлялась, пытаясь прорвать оцепление и уйти в ближние сопки. Немногочисленный конвой, применив холодное оружие и нагайки, загнал китайцев в воду и не позволял выйти на

берег. Наиболее упорных рубили и добивали выстрелами. Молва говорила о тысячах погибших китайцев, трупы которых несколько дней проплывали мимо Благовещенска.

В любом случае эта неудачно проведенная акция, обернувшаяся трагедией, до настоящего времени является для китайской стороны поводом напомнить русским о событиях 1900 г. 16 июля, накануне празднования основания Благовещенска, по Амуру, напротив города, плывет процессия траурных венков с горящими свечами.

С середины июля военные действия в основном были перенесены на китайскую территорию, велись подразделениями регулярных войск и были призваны обеспечить запланированное наступление на правобережье.

В ночь на 14 июля 1900 г. Благовещенский отряд провел разведку на китайской стороне вблизи города. С 18 июля непосредственная охрана Благовещенска была поручена полковнику М.М. Волковинскому, добровольные дружины распущены по домам и заменены запасными нижними чинами.

К 19 июля в городе были сосредоточены все необходимые силы, правобережье было очищено от китайских пикетов и мелких отрядов. Основные силы китайских правительственных войск и повстанцев располагались в районе Сахалян – Айгун, прикрывая пути на Мерген – Цицикар.

В ночь на 20 июля 1900 г. Благовещенский отряд перешел в наступление, переправившись через Амур выше пос. Верхне-Благовещенского. Главные силы под прикрытием артиллерийского огня двинулись на Сахалян и после боя заняли его.

Впереди был Айгун, основной укрепленный пункт китайцев на Среднем Амуре, численность гарнизона которого предполагалась до 10000 человек. Взятием Айгуна закончились боевые действия в амурском приграничье, на правобережье были установлены военные посты, мелкие шайки хунхузов и группы повстанцев преследовались и уничтожались охранными дружинами.

Отмечалось, что китайцы вблизи Амура разбиты, но остались мелкие шайки. В связи с этим казачьей охранной страже предлагалось в свободное от полевых работ время постоянно переходить Амур, уничтожать бродячие китайские отряды, забирать оружие и боевые припасы. Кроме того, для охраны территории области остались 3-я сотня полка и 1-я сотня АКД.

Следует отметить, что до подхода подкреплений к Благовещенску казачьи формирования и население станиц, организованное в охранную стражу, играли главную роль в охране пограничной линии и очищении побережья от китайских пикетов и мелких отрядов. При переходе в наступление казачья конница вела разведку боем, прикрывала фланги боевого порядка и нередко служила средством прорыва при неудачах пехоты.

24 июля 1900 г. на биваке под Айгуном был сформирован летучий отряд генерал-майора П.К. Ренненкампа (1854-1918), перед которым приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым была поставлена задача дойти до города Мергена и взять его так, чтобы весть о падении Айгуна дошла до Мергена вместе с отрядом. В тот же день вечером отряд выступил в поход по дороге на Мерген и провел ряд блестящих операций. Деморализованные китайские подразделения без сопротивления отступали вглубь Маньчжурии. Конная часть отряда П.К. Ренненкампа занимала один город за другим, «повиснув» на плечах противника.

5 августа 1900 г. был занят Мерген, брошенный жителями. Противник, пытавшийся оборонять город силами около 400 человек пехоты и 100 конных, неся потери, отступил в юго-восточном направлении. Казаки захватили три современных орудия, восемь медных пушек и более 1000 винтовок системы Маузера, склады другого оружия. В окрестностях города был обнаружен и уничтожен склад пороха. До Цицикара оставалось пройти 223 версты.

После двухдневного отдыха отряд двинулся к Цицикару, куда также стремился Хайларский отряд генерала Н.А. Орлова. В 30 верстах от города отряд встретил парламентаря от генерала Шоу Шаня, прибывшего с предложением о сдаче города без кровопролития. 15 августа 1900 г. Мергенский отряд вошел в Цицикар. С занятием Цицикара, административного и военного центра провинции Хэйлунцзян, организованное сопротивление русским войскам прекратилось.

Рейд конного авангарда отряда русского генерала-майора П.К. Ренненкампа стал одной из наиболее удачных и ярких военных операций русско-китайской войны. За три недели непрерывного движения отрядом были разбиты наиболее подготовленные войска Хэйлунцзянской провинции и рассеяны отряды повстанцев, что привело к прекращению организованного сопротивления противника. При этом основную роль сыграла казачья конница, впервые принявшая участие в боевых действиях и на деле показавшая прекрасную боевую выучку.

Китайские солдаты регулярной армии и повстанцы, имевшие неплохое вооружение и готовые умирать, постоянно терпели поражения вследствие плохой военной подготовки, неумелого командования, неспособности действовать самостоятельно и инициативно. 29 июня 1900 г. начался поход Харбинского отряда генерал-майора В.В. Сахарова. Две первоочередные сотни Амурского казачьего полка вместе с 4-м Восточносибирским батальоном и 1-й батареей Восточносибирской артиллерийской бригады были направлены на пароходах в Хабаровск для включения в Харбинский отряд генерал-майора В.В. Сахарова, который был назначен командующим русскими войсками в Северной Маньчжурии.

Русские войска под командованием генерала за три недели прошли от Хабаровска до Харбина. На своем пути сунгарийский отряд разогнал войска, разрушил укрепления и подавил очаги военного сопротивления.

Установление военного контроля над транспортной артерией, связывающей Харбин с Россией, обеспечило дальнейшие успехи русского оружия. В течение июля – августа войска под командованием В.В. Сахарова занимались очищением окрестностей Харбина от китайских войск, взяли города Ашихэ и Хуланчен. Кроме того, была очищена полоса отчуждения КВЖД от Харбина на запад до Цицикара и на восток до Муданьцзяна.

Для Амурского казачьего войска события 1900 г. в определенной степени стали рубежом, за которым осталось прошлое, хотя и тяжелое, но отмеченное хозяйственным освоением территории и подготовкой к военной службе. Последующая история войска – как кадровых частей, так и населения – стала исполнением его назначения как защитника края от близких и дальних врагов.

Первое боевое крещение показало, что казачьи части амурцев могут достойно соперничать с регулярными войсками и старыми казачьими формированиями, имеющими богатое боевое прошлое. Кроме того, находясь в тесных связях с окружающим азиатским населением, адаптировавшись к территории и климату, они, наряду с забайкальцами, были наиболее пригодны к службе в Маньчжурии и вообще на дальневосточном театре военных действий.

Именно русско-китайская война заставила Военное министерство активно осуществлять меры по увеличению численности и усилению боеспособности дальневосточных казачьих войск. Ближайшими последствиями войны явились 5-летняя служба Амурского казачьего полка в Маньчжурии и передача войску для заселения территории бывшего «Маньчжурского клина».

Императорским указом от 17 ноября 1901 г. Амурскому казачьему войску «за доблестную службу при защите Приамурского края» были переданы земли Зазейского района. Таким образом, была решена проблема восстановления непре-

рывности границы по Амуру и устранена одна из причин конфликтных ситуаций между Россией и Китаем.

При этом у российской стороны были достаточно веские основания для осуществления полного суверенитета над этой территорией, так как маньчжурское население покинуло ее в ходе мобилизации в китайскую армию. В 1901–1903 гг. на предоставленных войску новых землях был сформирован Николаевский станичный округ из 300 семей переселенцев Кубанского и Оренбургского казачьих войск. Эта мера укрепила казачьи традиции и обычаи в войске и, кроме того, значительно увеличила его мобилизационные возможности.

Участие в войне привело к появлению у амурцев боевых традиций, которые играют значительную роль в психологической подготовке войск. Важным моментом маньчжурского похода стало формирование офицерского и унтер-офицерского кадрированного Амурского казачьего полка. Большинство молодых офицеров периода маньчжурского похода впоследствии прошли русско-японскую, Первую мировую и гражданскую войны (Е.Г. Сычев, Р.А. Вертопрахов, А.Д. Кузнецов, Р.С. Иванов), получили полковничьи и генеральские чины. Офицерский костяк войска был сплочен совместной многолетней службой, тесными семейными связями, воспитанием осиротевших детей.

Заслуги подразделений в период русско-китайской войны 1900–1901 гг. отмечены императорским указом от 21.03.1903 г. За китайский поход более двухсот амурских казаков были награждены знаками отличия Военного ордена, один офицер – орденом Св. Георгия 4-й степени. Весь личный состав боевых подразделений и охранных дружин был награжден серебряными и бронзовыми медалями «За китайский поход 1900–1901 гг.», многие офицеры и казаки получили другие ордена и медали.

Признанием заслуг войска в целом стало также вручение ему в 1903 г. простого войскового знамени. Потери состави-

ли убитыми: офицеров – 3, нижних чинов – 18. Получили боевые ранения и контузии 5 офицеров и 27 нижних чинов. В войне 1900-1901 гг. войско в целом доказало свою необходимость и жизнеспособность как военно-хозяйственная организация приграничного населения, исполнив тем самым задачи, заложенные Н.Н. Муравьевым-Амурским при его основании. Надвигался конфликт русско-японских интересов.

Таким образом, экспансивная внешняя политика России в конце XIX – начале XX в. на Дальнем Востоке явилась закономерным продолжением решения восточного вопроса и была направлена в первую очередь на обеспечение безопасности своих дальневосточных границ, укрепление позиций в Юго-Восточной Азии с целью освоения новых рынков сбыта. Русско-китайская война 1900–1901 гг. стала прологом дальнейшего обострения международных противоречий в АТР и явилась важной вехой в освоении приамурских земель. Была проведена черта между прошлым и будущим в освоении края и подтверждена целесообразность решения о создании Амурского казачества, которое выступило гарантом в сохранении и защите дальневосточных рубежей империи, подтвердив тем самым де-факто ее право на приобретенные территории согласно последним договорам.

Список литературы

1. Раздел Китая и армянский вопрос // *Сунь Чжинцин*. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX века: «желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. – М.: НАТАЛИС, 2008. – 225 с.

2. *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842–1925). – М.: Изд. Института востоковедения, 1927. – 221 с.

3. *Авилов Р.С.* «Для охранения границ южно-уссурийского края сформировать...». История создания службы регулярной кавалерии

на Дальнем Востоке России (1869–1911). – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 178 с.

4. *Абалова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.): научное издание / Н.Е. Абалова; РАН. Ин-т Дал. Востока. – М.: Рус. панорама, 2005. – 432 с.

Наши авторы

Волкова Анна Сергеевна	Ярославский государственный педагогический Университет им. К.Д. Ушинского
Жариков Юрий Сергеевич	Кандидат юридических наук, доцент; зав. кафедрой уголовного права и процесса НАЧОУ ВПО Современная гуманитарная академия;
Заточина Ольга Романовна	Студент магистратуры СГА по направлению «Экономика», специальность «Банки и банковская деятельность»
Козодубов Алексей Анатольевич	Доцент кафедры юриспруденции, кандидат юридических наук, доцент Гуманитарного института филиала ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» в г. Северодвинске, менеджер Северодвинского филиала СГА
Кухтенко Константин Владимирович	Заместитель директора Йошкар-Олинского филиала СГА
Лалетин Евгений Валерьевич	Преподаватель Электростальского филиала СГА, аспирант Московского гуманитарного университета им. М.А. Шолохова
Мамбетов Анзор Валерьевич	Кандидат экономических наук, юрист, преподаватель юридических наук Нальчикского филиала СГА
Матьяш Ольга Ивановна	Кандидат педагогических наук, преподаватель университета г. Сиракьюс, (США)
Терёшина Влада Валерьевна	Кандидат экономических наук, профессор кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» Поволжского государственного технологического университета
Чувашова Нина Семеновна	Кандидат юридических наук, преподаватель Челябинского филиала СГА

Информационное письмо

Научный сборник “Труды СГА” – это ежемесячное периодическое издание. В нем публикуются статьи преподавателей, сотрудников, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов СГА по следующим рубрикам: информатика, история, менеджмент, образование, политология, психология, социология, филология, философия, экономика, юриспруденция.

При подготовке рукописей необходимо учитывать следующие требования:

1. содержание статей должно быть связано с современными тенденциями в науке и практике;

2. необходимо четко сформулировать проблему, решению которой посвящена статья, показать ее актуальность и новизну;

3. выводы должны отражать результаты исследования;

4. ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указывается порядковый номер источника и страницы цитирования, например [5, с. 15]. За точность цитирования несет ответственность автор статьи;

5. объем статьи от 10 тыс. до 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи, выходящие за эти пределы, не рассматриваются;

6. обязательно указывать рубрику, для которой предназначена статья (например, юриспруденция, социология и т.д.);

7. текст должен быть тщательно отредактирован автором;

8. если текст содержит рисунки, то они должны отвечать следующим требованиям:

- толщина линий на рисунках и в таблицах не менее 1 пункт;
- рисунки чёрно-белые;
- размер текста на рисунках не менее 12 кегля;
- рисунки, набранные средствами Word, обязательно сгруппировать.

9. в конце текста в алфавитном порядке приводится список цитируемой литературы (автор, название, место, издательство и год издания). Литература на иностранных языках дается после отечественных изданий.

10. статья обязательно должна содержать перевод на английский язык следующих данных: ФИО автора(ов), учёная степень и звание автора(ов), название статьи, аннотация, ключевые слова.

Первая страница текста должна содержать следующую информацию:

- фамилия, имя, отчество автора;
- краткие сведения об авторе (ученая степень, звания, должность в СГА в настоящее время, электронный адрес);
- название статьи;
- краткая аннотация (объемом не более 500 знаков с пробелами);
- ключевые слова.

К статье прилагаются:

1. служебная записка;
2. если автор – аспирант, соискатель, магистрант или студент СГА, – рецензия на статью с заверенной подписью научного руководителя;
3. подписанное автором соглашение о размещении статьи в открытом доступе на сайте Издательства СГУ:

Я, ФИО, согласен / не согласен на размещение моей статьи «Название статьи» в электронной версии (базе данных) на сайте сборника «Труды СГА» www.edit.muh.ru и доведение текста статьи до всеобщего сведения. Исключительные права на статью передаются редакции научного сборника «Труды СГА» сроком на два года со дня выхода в свет соответствующего номера сборника.

Число, месяц, год

Подпись автора с расшифровкой

Без указанных сопроводительных документов статьи не принимаются к рассмотрению. Решение вопроса о публикации статьи в сборнике редколлегия оставляет за собой.

Статья не может быть опубликована в сборнике «Труды СГА» в том случае, если она уже была напечатана ранее в других журналах, материалах конференций, размещена в интернет-изданиях.

Труды СГА

№ 5 май 2014

**Юриспруденция. Образование. Экономика. Менеджмент.
Философия. Политология. История.**

0000.901.195.14/05.13

Редактор — Н.С. Ковалева

Компьютерная верстка — И.Ю. Маслова

Сдано в печать 24.04.14

Издательство СГУ

Тираж 700 экз. Заказ

109029, Москва, ул. Нижегородская, 32, корп. 5, к. 205

Телефон: (495)727-12-41 доб. 4318

Отпечатано в типографии ГУП МО Коломенская типография
г. Коломна. Тел. 8-496-614-69-33